

Искорка

1972

Т. В. ЗАХАРОВА,

секретарь Ленинградского обкома ВЛКСМ, председатель Ленинградского совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

С днём рождения!

ЕЖЕМЕСЯЧНИК

газеты
«Ленинские
искорки» —
орган
Ленинградского
Облкома и
Горкома
ВЛКСМ,
Ленинградского
Совета
пионерской
организации
имени
В. И. Ленина

М А Й • 1972

год издания XVI

Дорогие юные друзья!

Вот и пришёл он — долгожданный праздничный май 1972 года. Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина исполнилось пятьдесят лет! Этого радостного дня рождения ждали все: и вы, ребята с красными галстуками, и те, кто носил этот галстук в 20-х и 30-х годах, в грозное время Великой Отечественной войны, в послевоенные годы. Пятьдесят лет пионерию — это праздник всей страны.

Все народы Советского Союза готовились к этому юбилею. Свидетельством большой заботы о вас и ваших делах явилось постановление ЦК КПСС «О 50-летию Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина». А сколько сделали взрослые к вашему дню рождения, вы и сами видите. Всюду и вокруг.

Композиторы написали для вас десятки новых песен. Они звучали в начале марта во время недели «Ленинградские композиторы — детям».

Писатели и поэты создали к юбилею много новых интересных книжек, о которых рассказали вам во время «Недели детской книги».

Киностудии страны выпустили в подарок пионерам немало новых хороших кинофильмов.

Художники открыли целую выставку своих работ, тоже посвящённых вам — юным ленинцам.

Работницы ленинградских фабрик «Салют» и «Весна» сшили для вас новую пионерскую форму. Труженики завода «Союз» и фабрики «Светоч» выпустили памятные шариковые ручки и тетради.

А сколько сделали для вас строители!

Готов новый спортивный комплекс Дворца пионеров имени А. А. Жданова. Заходите в любой из восьми новых просторных залов, занимайтесь, тренируйтесь, будущие чемпионы грядущих олимпиад!

Готов новый Дом пионеров Смольнинского района.

Вступает в строй первая очередь реконструированного городского детского парка. Новая игротека, аттракционы, эстрада ждут вас.

И, наверное, потому ещё с такой любовью взрослые готовились к вашему празднику, что видели: хорошая им смена растёт!

Пионерские дружины и отряды Ленинграда и области сами тоже потрудились неплохо.

Путешествуя «в страну знаний», вы узнали много интересного, полезного, стали лучше учиться. Хорошо поработали на объек-

тах «Пионерстроля». Сотни ребят овладели новыми юнармейскими специальностями. Готовясь к 50-летию образования СССР, вы подробно знакомились с жизнью своих сверстников во всех союзных республиках нашей страны, по-настоящему подружались со многими из них. А ваше участие, ваша активность в Неделе солидарности, в Дне юного антифашиста ещё раз показали, что наши пионеры растут интернационалистами, стойкими борцами за дело рабочего класса, за дело мира во всём мире.

Поэтому от имени Ленинградских областного и городского комитетов комсомола, от имени Ленинградского совета пионерской организации имени В. И. Ленина хочется сказать вам — молодцы!

С днём рождения, юные ленинцы!

Владимир ОРЛОВ

★ ВЕСЕЛЕЙ ГОРИ КОСТЁР ★

Разгорайся,
Разгорайся,
Веселей гори,
костёр!

Поднимайся,
Поднимайся,
Поднимайся выше
гор!

Искры в небе
Тают, тают,
Тают, пламя затая,
Улетают, улетают
В неизвестные края.

Рис. Г. Ясинского

Дремлют
Горные отроги,
Спит земля,
И море спит.
По неведомой
Дороге
Искра каждая
Летит.
Над лесами,
Над полями
Пронесут её ветра,
Чтоб запело
где-то пламя
Пионерского костра.

И. ВОЛКИНД,

делегат первого Всесоюзного слёта пионеров, бывший вожатый пионербазы завода имени Кулакова

Первый Всесоюзный

С ТЕХ ПОР прошло уже много времени — 43 года. Но эти дни — с 18 по 25 августа 1929 года — и сегодня стоят перед глазами: ясные, звонкие, радостные.

В эти дни в Москве проходил первый Всесоюзный слёт пионеров. Я был его делегатом от Петроградского района Ленинграда.

К лету 1929 года в пионерской организации нашей страны было 2 миллиона пионеров. Повсюду проводились слёты юных ленинцев, в пионерских отрядах проходили торжественные сборы, все были заняты подготовкой к слёту. В Москве при Центральном Исполнительном Комитете (ЦИК) СССР был создан Комитет содействия слёту. Председателем его был назначен Михаил Иванович Калинин — старый революционер, соратник В. И. Ленина.

Мы в Ленинграде тоже готовились. 14 августа в Таврическом дворце открылся областной слёт пионеров, съехалась тысяча делегатов из всех городов и сёл нашей области. А уже 16 августа от платформы Октябрьского вокзала отошёл специальный состав. 390 делегатов ленинградской пионерии спешили в столицу на свой первый Всесоюзный слёт.

Конечно, в Центральном парке культуры и отдыха Москвы в то лето было много цветов, но он пестрел не от ромашек и гладиолусов. Сюда съехали все делегации, и каждая — в своём особом костюме: украинцы — в расшитых рубашках и шароварах, грузины — в черкесках с кинжалами у пояса, узбеки — в ярких восточных халатах и тюбетейках. Ленинградцы и севастопольцы были в матросской форме.

Жили делегаты слёта большей частью на квартирах у московских рабочих. Москвичи просто расхватывали юных гостей столицы. Особенно охотно они брали к себе ленинградцев — детей из города Октябрьской революции. Но обедали все мы в Парке культуры и отдыха. Прямо под открытым небом тянулись на полкилометра накрытые столы, — ведь нужно было накормить шесть тысяч человек!

В воскресенье, 18 августа, к стадиону «Динамо» потянулись автобусы, трамваи, автомобили, пешеходы. Всюду ребячьи лица и море красных галстуков.

Никогда древняя столица нашей Родины не выглядела такой молодой, весёлой и сияющей.

Мы ехали по Москве, и на каждом шагу нас встречали огромные портреты, плакаты, лозунги: «Слёт — трудящимся отчёт, какая смена из нас растёт!», «Миллионами детских рук поможем перестроить нашу страну!», «Все на слёт — на смотр работы нашей!».

Город был во власти ребят. Казалось, вся Москва стала пионерской.

Над улицами, площадями звучит «Слётная» — красивая песня, написанная специально к слёту. До сих пор помню весёлую, задорную мелодию и первый куплет этой песни, которую в Москве знали все ребяташки:

*Труба зовёт, и меди голос звонкий
Несёт призыв за горы и моря.
В Калькутте, Вене, Лондоне, Нью-Йорке
Зажглась в сердцах московская заря.*

Чем ближе к стадиону, тем больше народа. Машины еле-еле, по-черепашьи, пробираются в бесконечном потоке пешеходов, запрудивших всё Ленинградское шоссе от края и до края. У ворот стадиона колышется гигантская людская масса. 70 000 человек заполнили стадион. Серая чаша «Динамо» — словно огромный цветник, разбитый на яркие квадраты: белые, голубые, оранжевые, синие. Каждый такой квадрат — пионерская делегация, одетая в свою форму. Мы немного опоздали, мест уже не было, и нас, ленинградцев, как своих, усадили прямо на асфальте велотрека против центральной трибуны.

На торжественное открытие слёта приехали представители Советского правительства и Центрального Комитета партии, почётные пионеры Алексей Максимович Горький, Надежда Константиновна Крупская, старый революционер Емельян Ярославский.

Стадион гудит от песен, говора и смеха тысяч людей. Но вот все замолкли. На вышке главной трибуны как бы вырастает фанфарист. Тишину разрезает пронзительный торжественный сигнал сверкающего в лучах солнца горна: «Слушайте все!»

Неожиданно на поле стадиона появляются триста барабанщиков и триста горнистов, и необыкновенный грохот заливаёт трибуны. Вслед за ними выходят двести знаменосцев с алыми и вишнёвыми бархатными знамёнами, украшенными золотым и серебряным шитьём.

Председатель Центрального бюро юных пионеров открывает первый Всесоюзный слёт пионеров. На вышке центральной трибуны медленно поднимается красный флаг.

Делегатов слёта приветствовал представитель Центрального Комитета Коммунистической партии. «Мы хотим, чтобы наши дети выросли революционерами, чтобы они были достойными гражданами той великой страны, которую начал преобразовывать наш великий вождь товарищ Ленин...»

Каждый раз, когда в его речи перед пионерами ставилась новая задача, он обращался с призывом:

— Будьте готовы!

И весь слёт вставал, в едином салюте взлетали тысячи рук и далеко раздавалось:

— Всегда готовы!

На открытии слёта выступил Владимир Маяковский. Громким голосом он читал стихи, написанные для слёта:

*За море синеволное,
За сто морей и вод
Раздайся, песня-молния,
Про пионерский слёт.*

Долго длился красочный лучезарный парад пионеров всех братских республик Советского Союза.

Низко над трибунами пролетел военный самолёт, приветствуя юных ленинцев. Нарастающим рокотом своего мощного мотора он на миг заглушил восторженный тысячеголосый гул ликования на стадионе.

Когда парад окончился, было уже темно. Мы построились, зажгли факелы, и колонны с песнями двинулись по Ленинградскому шоссе, по улице Горького, к красному зданию Московского Совета. Здесь состоялась праздничная демонстрация ребят. Полтора часа проходили пионерские колонны мимо балкона, откуда их тепло приветствовали депутаты Моссовета, среди которых находился и А. М. Горький.

А на завтра началась будничная работа слёта.

На стадионе столицы проводилась пионерская спартакиада.

Утром 20 августа Андреевский зал Кремля заполнили ребята. Здесь собралась Всесоюзная пионерская конференция. Старый коммунист, соратник Ленина Глеб Максимилианович Кржижановский рассказал о пятилетнем плане развития народного хозяйства страны.

Перед делегатами выступили Емельян Ярославский и поэт Демьян Бедный.

В клубах и садах Москвы проходили вечера смотра художественной самодеятельности делегатов слёта. Выступали струнные и духовые оркестры, живые газеты, затейники. От Ленинграда успешно показали своё мастерство участники живой газеты василеостровских пионеров «Салют». Их выступления очень понравились ребятам. Днём были экскурсии пионеров в Кремль, в зоологический парк.

22 августа вечером в Парке культуры и отдыха открылся Международный коммунистический детский конгресс. В Москву прибыли пионеры Америки, Англии, Германии, Китая, Швеции и Норвегии. К ребятам приехали известный германский революционер Макс Гельц и Н. К. Крупская. Восторженной овацией встретили делегаты конгресса выступление Макса Гельца и долго не давали ему начать свою речь. Макс Гельц только что вышел из германской тюрьмы, и весь мир восхищался его стойкостью. Надежда Константиновна выступила с докладом: «Что говорил и думал Ленин о детях и детском движении». Она рассказала о Ленине, о его детстве, о том, как он любил ребят. Говорила она тихо, просто, интересно, и ребята слушали её затаив дыхание. Тишина была необыкновенная.

Пионеры Англии, Германии и Китая рассказали, в каких тяжелых условиях им приходится жить и бороться. Конгресс решил ежемесячно собирать по одной копейке с каждого пионера в фонд международной помощи, чтобы оказать поддержку своим зарубежным братьям — пионерам капиталистических стран. Советский Союз тогда был единственной социалистической страной. Так наш Всесоюзный слёт стал Всемирным пионерским слётом.

Под Москвой, в Октябрьских лагерях, состоялся праздник смычки Красной Армии с делегатами пионерии. В гости к красноармейцам приехали 4000 юных ленинцев. На митинге ребят и воинов с приветствием выступил заместитель председателя Реввоенсовета СССР С. С. Каменев — один из видных советских полководцев. Тут же пионеры передали Красной Армии авиетку «Пионерская правда», построенную на средства, собранные ребятами.

Вечером, после ужина, в лагерях запылало 40 огромных костров дружбы. Бывалые воины — старые командиры Красной Армии — рассказывали о боях во время гражданской войны. Гости и хозяева пели песни, плясали. Спать легли тут же — в солдатских палатках.

Наутро состоялось военное учение и показательный бой с участием 2500 ребят. Пионеры-разведчики, пулемётчики, телефонисты, санитары — помогали красноармейцам в исполнении службы.

С какой гордостью восседали они на лошадях и лафетах орудий батареи, выезжавшей на позицию! Несмотря на большую жару и длительность учения — оно продолжалось 3 часа, — пионеры с большим увлечением и настойчивостью продолжали вести «бой».

25 августа снова битком был заполнен стадион «Динамо». В праздничной обстановке закрывался первый Всесоюзный слёт пионеров. Приехали М. И. Калинин, Емельян Ярославский. Стоя, дружно повторяли ребята за Е. Ярославским слова Торжественного обещания пионеров.

ПИОНЕРСКАЯ КОМНАТА

Пионерская комната,
мы твои навсегда.
Всё до мелочи вспомним,
хоть промчатся года.
Тут на столике —
гордо,
строго выровняв ряд,
барабаны и горны
в ожиданье стоят.
Буквы,
словно влитые
в полотно кумача,
нам несут золотые
слова Ильича.
Тут недаром зимою
зацветают цветы.
Тут исток непокоя
и начало мечты.
И стихи,
и рисунки,
и листы стенгазет,

и красивые кубки
в честь спортивных побед, —
всё до мелочи вспомним,
хоть промчатся года!
Пионерская комната,
мы твои
навсегда!

УЧИТЕЛЬ

В переменку мы мчимся
в коридоры шуметь.
И выходит учитель
у окна посидеть.
Дом клокочет от шуму,
но учитель тотчас
погружается в думу,
вероятно, о нас.
Мы, глядя, как на диво,
понимаем с трудом:
почему он не видит,
что весь дом — ходуном?!

И ни хохот, ни грохот
не мешают ему.
Почему ж на уроках
любит он тишину?

А. БЕЛЯКОВА

Возвращение Марго

Рисунки П. Вискова

*Там, вдали за рекой,
загорались огни,
В небе лагерном звёзды
сверкали.
Песни жарких костров,
пионерских костров,
Вместе с искрами
в небо взлетали.
Но война началась,
и ушёл наш Сергей,
И в сраженье за дело рабочих
Там, вдали за рекой,
возле тех лагерей,
Он закрыл свои юные очи.
Там, вдали за рекой,
догорают огни,
В небе лагерном звёзды
сверкают.
И у жарких костров
пионеры Марго
О Серёже Марго запевают.*

Эти слова поются на известный и прекрасный мотив, когда собирается вместе отряд седых пионеров, сдружившихся почти сорок лет назад.

Песня написана одним из них — Юрием Ивановичем Левальдом в память о человеке, который прошёл через жизнь

сотен ребят Выборгской стороны. Вернее, он продолжает идти с ними в одном строю, через годы испытаний, радостей и тревог. Он шагает впереди, как и положено вожатому. Он сегодня моложе своих пионеров, — они не увидели его седым.

Но когда собираются вместе его ребята, они сбрасывают годы и снова отплясывают лихое «яблочко» и поют самозабвенно «Картошку»: погруз-

невшие, повидавшие много на своем веку люди, те, кто когда-то начинали пионерскую биографию Выборгской стороны.

И нет уже на их сборах званий и титулов. Педагоги и полковники, учёные и рабочие, бабушки и деды становятся снова Катей, Юрой, Таней. А рядом с ними их Серёжа, которого они никогда не звали по отчеству, так и сохранили в памяти и в сердце имя и необычную фамилию Марго. От этой фамилии они произвели себя в марговцев, а потом появились ещё и маргошки, но об этом позже, а сейчас о нём.

Ребята-пионеры были главным в жизни Марго. И сейчас, когда его нет с ними, особенно важно: а какой же след он оставил в их сердцах и делах? Можно дополнить его облик воспоминаниями родных и друзей, но всё-таки первое слово тем, ради кого он жил и тру-

дился, — пионерам Марго. (Своими воспоминаниями о вожатом делятся: Т. Бережковская — конструктор, И. Вятский — заместитель главного инженера, Л. Васильева — старший инженер, Л. Герман-Прозорова — преподаватель английского языка, Н. Данилюк — учительница, Е. Зельдина — стенографистка, Г. Подоляк — доктор медицинских наук, Т. Савельева — кандидат медицинских наук, Т. Павлова-Уткина — домохозяйка, Л. Семёнов — кандидат технических наук, В. Сизов — инженер).

* * *

Марго пришёл в нашу бывшую 159-ю, а ныне 107-ю школу Выборгского района в конце 1929 года, когда отзвучали фанфары, отгремели барабаны первого Всесоюзного слёта пионеров. В пионерской комнате появился знаменитый ло-

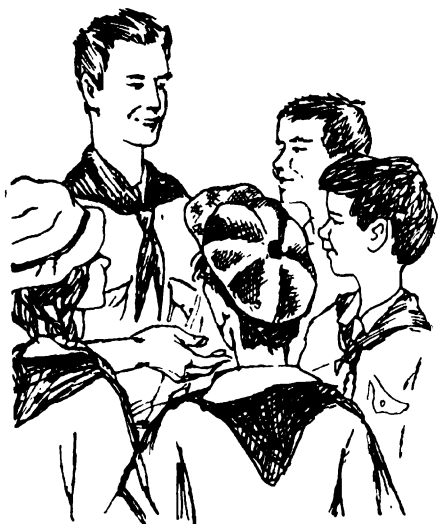
зунг: «У нас один вожатый — товарищ ВКП».

Удивительно привлекательным был весь облик Сергея. Хорошее, ясное лицо, нос с небольшой горбинкой, тёмные вьющиеся волосы, всегда аккуратный, подтянутый, часто в юнгштурмовском костюме, всегда с пионерским галстуком, жизнерадостный, неутомимый на выдумки.

Страна выполняла свою первую пятилетку, и всюду развёртывалось социалистическое соревнование. С приходом Серёжи Марго и мы, пионеры, вдруг оказались очень занятыми людьми. Интересно, радостно закипела пионерская работа. В школе на полотнах кумача и обоев закричали слова: «Даёшь пятилетку в четыре года!», «Время, вперёд!». В наших стенных газетах замелькали заголовки: «Отстал — подтянись!», «Слабы ваши темпы!».

Сборы стали начинаться строем. На построение всех отрядов не уходило и трёх минут.

В школе заработало много новых кружков: драматический, радио, фото, военно-морской, шумовой оркестр, по-прежнему увлекал ребят спортивный кружок — знаменитый «Спартак». А как весело становилось на школьном дворе ранней весной, когда подсыхала земля и можно было играть в лапту! Каждый хотел попасть в ту команду, капитаном которой был старший вожатый. Бил он дальше и выше всех и бегал быстрее всех.

В 1930 году между пионерами Москвы, Ленинграда, Иваново - Вознесенска, Киева, Харькова и Одессы был заключён договор на соцсоревнование — договор шести организаций, пункты которого охватывали всю пионерскую жизнь. Ребята Выборгского района соревновались с пионерами Бауманского района Москвы, и каждый, кроме того, имел свои встречные обязательства по учёбе, труду, спорту, помощи октябрятам и другие.

Рассказать о выполнении этого договора — значит нарисовать картину всей жизни и работы пионеров нашей школы, основным шефом которой был завод «Красная заря».

Все мы с чувством большой благодарности вспоминаем родной завод. Каждый отряд хорошо знал шефствовавший над ним цех, его дела. Некоторые ребята в лабиринтах цехов ориентировались лучше, чем

в школе. В «своих» цехах пионеры помогали проводить подписку на заём, собирали рацпредложения, если ценное предложение не проводилось в жизнь, ребята помогали его протолкнуть. Часто бывали мы не только в комитете комсомола, а и в профкоме, у директора, но главным образом — в цехах. Мы были для завода родными детьми, и он всегда заботился о нас.

И, конечно, старались не оставаться в долгу. В огромном достижении заводского коллектива — выполнении первой пятилетки в 2,5 года — есть доля и пионерского труда: мы отработали на заводе 10 640 часов.

В 1931/32 учебном году пионерская организация Выборгского района объявила технический поход. Серёжа Марго этим делом очень загорелся, в его голове вынашивалась масса планов, один интереснее другого. Каждый отряд начал

знакомиться с продукцией своего цеха, и не только знакомиться, но и участвовать в труде. У нас появилось много новых кружков. Старшие ребята изучали устройство телефонов, телефонной автоматической станции, участвовали в производительном труде. В инструментальном цехе сверлили планки толщиной в 10 мм, в сборочном участвовали в пайке схем, в сборке штативов. Некоторые ребята выполняли норму взрослых рабочих. Конечно, приходилось и уставать. Так что ж! Ведь мы строили социализм, а разве строителям легко?

Этот поход ещё крепче сроднил нас с заводом. Мы воспринимали нашу работу как очень важную, нужную Советскому государству и выполняли ее с чувством большой ответственности. Говорилось: «Нужно помочь заводу» — и всё, никаких возражений. Личные интересы были мелочью, если нужно бы-

ло что-то сделать для всех, для коллектива. Работали не за грамоту или премию, а потому, что надо, потому что наша работа — часть общенародного дела, порученная нам, пионерам. Вот почему мы смело говорим: в крепком здании социализма заложены и пионерские кирпичи.

Секретарём комитета комсомола «Красной зари» в те годы был Николай Смирнов. Серёжа и Коля крепко дружили, и эта дружба проявлялась во всех пионерских делах. Каждый наш отряд имел вожатого, комсомольца завода. Комитет комсомола, лично отсекр Николай Смирнов следили за работой отрядных вожатых, и мы не припомним случая, чтобы в каком-либо отряде вожатый отсутствовал длительное время.

После XVI съезда партия мобилизовала на строительство социализма внутренние резервы фабрик и заводов. Одним из таких резервов было укрепление трудовой дисциплины. Развернулась борьба с прогульщиками и лодырями, за использование каждой минуты рабочего времени. В этой борьбе взрослых принимали участие и пионеры. Однажды Серёжа получил на фабрике точные сведения о прогульщиках, номера лучших и отстающих бригад и участков, фамилии передовиков. Для предстоящей работы был мобилизован весь пионерский актив, все вожатые. Если бы мы прокопались, полученные сведения могли устареть. Но Серёжа Мар-

го был талантливым организатором, умел обдумать каждую мелочь. Каждый знал, за что он отвечает, что и к какому часу должен сделать. В художников превратились десятки ребят, даже те, кто до этого и кисти в руки не брал. В один день мы нарисовали великое множество различных плакатов и лозунгов, написали огромное количество писем к рабочим. Наши лозунги призывали всех следовать примеру передовиков. Фамилии лучших рабочих были обведены красной краской, а уж на фамилии прогульщиков и лодырей мы не пожалели чёрной туши.

«Позор лодырю, забывшему долг советского рабочего!» — Нельзя было пройти, не прочитав этих слов, висевших на самом видном месте. Такие слова вывешивались и на дверях квартир, где жили прогульщики.

На другой день на фабрике от наших плакатов и лозунгов в глазах рябило. Они были везде, во всех уголках фабрики. Да и мы тоже были всюду. Один приколачивал лозунг, другой беседовал с работницей, третий наблюдал, собирал материал для стенгазеты. Пионерские «молнии», как грибы после тёплого летнего дождика, вырастали быстро и внезапно: поступил интересный материал, — хлоп, и «молния» готова!

Отстающие рабочие в этот день нашли у своих станков наши письма, в которых мы просили подтянуться, брать пример с передовиков и тут же

сообщали, что это письмо пишет лучший отряд, получивший за хорошую учёбу и работу переходящее Красное знамя комитета комсомола.

Боролись мы и против «лошадиных» слов, тех, что засоряют наш прекрасный язык, издали «Кодекс вежливости», много времени уделяли изучению литературы, культпоходам в театр, международным путешествиям.

Мы были воинствующими безбожниками. Верующих, носивших крестики ребят в пионеры не принимали, но за них боролись. Высмеивались укоренившиеся словосочетания: «Слава богу!», «Ей-богу!», «Боже мой!». Несмотря на то, что многие пионеры питались плохо — картошка «в мундире» с солью, луком и постным маслом часто считалась лакомством, — несмотря на это, крашеные яйца, куличи и пасхи презирались, к ним не притрагивались из принципа. В дни религиозных праздников дежурили у церквей, чтобы выявить ребят, которых родители заставляли верить в бога. Распевали частушки:

*Пионеры, в бога маловеры,
Где же ваша пасха?
Наша пасха — есть попова сказка,
Вот где наша пасха!*

Нас воспитывали интернационалистами, и дети помогали крепить пролетарскую солидарность, знали, что такое классовая борьба. Каждый пионер был юным членом МОПРа — Международного общества помощи революционерам. Сбор средств в помощь революционерам был почётным нашим делом. Для этого мы получали специальные металлические кружки с пломбами. Однажды мать Вовы Федорчука в тревоге пришла к вожатой отряда: «Скоро одиннадцать часов вечера, а Вовы ещё нет дома. С ним что-то случилось». Вместе вышли на улицу, подошли к Ломанско-

му переулку. В Выборгском доме культуры закончился спектакль, и на Лесной проспекте хлынули зрители, среди которых оказался и сияющий Вовка.

— Вот, послушайте! — радовался он. — Монеты почти не звенят, — такая полная!

Оказывается, он пробрался на вечернее мероприятие Дома культуры и там пополнил свою мопровскую кружку.

Итоги всей этой работы подводились в конце каждой четверти учебного года на общебазовом сборе, который всегда превращался в большой праздник. Лучший отряд получал переходящее знамя комитета комсомола «Красной зари», премировались активно работавшие отряды и отдельные пионеры. Ценилась такая премия, как бесплатный поход отряда в ТЮЗ. Все мы очень любили свой театр. Помнится, как ненавидели артиста Полицеймако в «Ундервуде», как горячо обсуждали «На перевальной тропе».

Для любого пионерского отряда умел наш Серёжа Марго найти нужную, занимательную форму. Замелькали в отрядах «неуды» — созывается совет базы. Решение — подтянуть учёбу! Выполнять это решение помогали разноцветные «часы», на которых каждый отряд имел свою стрелку. Если отряд получал хотя бы один «неуд», его стрелка передвигалась на чёрный сектор.

Иногда на больших переменах проводились экстренные общебазовые линейки. Как-то

вслед за звонком с урока заиграла «Сбор» фанфара Володи Сизова, и все отряды быстро построились.

— Коля, шаг вперёд, марш! — скомандовал Серёжа. — А теперь объясни, почему ты не приготовил урока по физике?

Опустив голову, пионер молчал, затем пролепетал что-то невнятное. Ещё несколько слов вожатого и его команда: «Разойдись!» Линейка продолжалась пять минут, но польза была огромной. «Неужели и про меня Серёжа знает?» — думал каждый, у кого был хоть небольшой учебный грешок. Малыши, те твёрдо заявляли: «Факт, знает!».

Заметив, что не все отрядные сборы начинаются вовремя (иногда это объяснялось просто тем, что у пионеров тех лет почти не было ручных часов), Серёжа однажды загадочно сказал: «А я вам сегодня что-то принёс!» Медленно, медленно он вытаскивал это «что-то» из оттопыренного кармана. Так появился в нашей пионерской знаменитый медный будильник. Старый, допотопный, он работал очень точно, и теперь дежурный член совета базы мог проверять точность начала всех сборов. С тех пор сборы назначались с минутами, например, 16 часов 3 минуты, 17 часов 9 минут. Это на всю жизнь отучило нас от опозданий.

В конце 1930 года как-то особенно стали заметны безобразные выходы группы неорганизованных ребят. Они мазали мелом стул учителя, а

потом потешались над его испачканным костюмом, срывали с младших пионерские галстуки. Совет решил вместе с базой имени К. Маркса провести в Удельном парке большую военную игру, в которую вовлечь всех бузотёров. Серёжа никогда не называл их хулиганами.

К той игре готовились несколько месяцев. Её назначили на 31 марта 1931 года. В столярных мастерских мальчики делали «пулемёты», девочки шили нарукавные повязки, к которым прикреплялись настоящие, существовавшие в то время в Красной Армии знаки различия комсостава; выяснялось наличие «бронемашин» — финских саней, проходили сборы «комсостава». В течение

подготовительного периода все, кто захотел участвовать в игре, должны были посещать сборы «полков и рот». Сначала бузотёры не слушались вожаков, пытались делать то, что хотели, но постепенно дисциплинировались, некоторые из них были назначены командирами «подразделений» и в ходе игры проявили много смекалки и выдумки. Весна того года была холодной, и в Удельном парке лежал глубокий снег. Тут-то и пригодились белые маскировочные халаты, которыми командиры из бузотёров обеспечили «армию обороны» и за которые при подведении итогов игры особенно похвалил их Серёжа Марго.

Цель игры была достигнута — почти все трудные ребята

вступили в пионерскую организацию, безобразные выходы прекратились.

Лагерь любили все. О нём мечтали, к нему долго и тщательно готовились, в нём почти всё делали своими руками.

Летом 1931 года в деревне Ситенка нашими пионерами были созданы ясли. Самостоятельно закупили всё, начиная от пелёнок и кончая большими котлами для кухни. Вместе с колхозницами приходили на дежурство. Эта пионерская работа послужила толчком для организации яслей в колхозах Толмачёвского района.

Действенным средством воспитания, острым орудием критики и самокритики были пионерские частушки. Автором многих из них был наш Серёжа. Частушки рождались молниеносно. Обнаружил санитар, что пионер плохо отмыл руки после прополки колхозных гряд, и четверостишие готово:

Под ногтями «чернозём».

Цим-ля-ля, цим-ля-ля!

Сразу видно — «агроном».

Цим-ля-ля, цим-ля-ля!

Лагерь 1932 года в Шалогe запомнился каждому. Всё удалось в то лето, всё было особенно ярким — и отличная поправка ребят, и ударная помощь колхозам, и телефонизация дач руками пионеров, и даже костёр разгорелся не так, как всегда, даже ЧП было из ряда вон выходящим.

Только с энергией и изобретательностью Марго можно было проводить такие военные игры, которые увлекали даже взрослых. С каким увлечени-

ем играл с нами сам Серёжа! Как всегда, всё здесь было на полном серьёзе. Точно разработанный план игры, серьёзнейшая подготовка, топографические карты, пулемёты с трещотками, применение подвод с сеном, куда прятались разведчики.

— Особенно запомнилась военная игра в лагере 1932 года, — рассказывает Н. В. Данилюк. — Меня и Шуру Фаддееву командовавший обороной Юра Подоляк послал в разведку. Нужно было посмотреть, не пронюхал ли расположения нашей обороны наступавший «противник». Наступлением руководил Серёжа. И вдруг близорукая Шура говорит: «Посмотрите-ка: вроде идёт кто-то». Я смотрела, смотрела, ничего не высмотрела. Стала Шура смотреть и увидела старушку, бродившую недалёко от нас. Бабушка казалась высоченной в своей длинной юбке, в платочке, повязанном вперёд концами, с корзинкой, перекинутой через левую руку, с палочкой. Идёт, по-стариковски покряхтывает, да на нас посматривает. Подошла совсем близко, рассматривает нас внимательно. «И что старая мешается здесь!» — возмущались мы.

Вернувшись в расположение своих «частей», доложили командиру: «Всё спокойно. Кроме деревенской старушки, никого не обнаружили».

Оскандалились мы тогда здорово: Серёжа так хорошо сыграл свою роль, что мы, лежавшие в кустах разведчики,

не узнали его в этой «деревенской старушке». Долго припоминали нам ребята эту злосчастную разведку, никак простить не могли.

А ЧП было с «факирами». Взгромоздясь на ходули или друг на друга, накинув простыни, несколько ребят решили ночью поугадать своих товарищей. На следующий день весь лагерь распевал частушку:

*На бревенчатой стене
Тень в зловещей простыне.
Видно даже в темноте —
Пионер «на высоте».*

С испугом шутить нельзя, и «факиры» были строго наказаны: на две недели их лишили пионерских галстуков, а на

линейке они должны были строиться в хвосте, после октябрят, как некоммунистические элементы. Несчастные «факиры» готовы были добровольно пролежать эти две недели в изоляторе, лишь бы не плестись в хвосте.

ВОТ ТАКИМ они запомнили его, таким постарались донести образ своего вожатого до наших дней, до новых пионеров 60—70-х годов. Наверное, это высшая награда для человека — остаться жить после смерти.

У Марго не было ни орденов, ни наград, он не занимал высоких постов. И всё-таки его судьба оказалась счастливой, а признание заслуженным и прочным. Он был рядовым вожатым, так и остался в этом звании, которое олицетворял в его высокой сущности. Ведь вожатый, если вдуматься, невероятно ответственная должность. И слово-то какое красивое, если вслушаться и вникнуть: вожак — ведущий.

В чём же секрет его жизни? Что определило его путь? Были у Серёжи такие предпосылки в характере? Да, пожалуй. В семье коммунистки Марго, работавшей на заводе имени Карла Маркса, — матери Серёжи — было шестеро детей. После смерти отца — старшим в доме стал Сергей. Может, отсюда берёт начало безграничная любовь к детям, знание их бед и тревог, а главное — огромная ответственность и желание сделать их жизнь красивой и радостной.

И ещё хорошо, что угадали в нём эту струнку те ребята в комитете комсомола завода Лесснера (ныне имени Карла Маркса), когда вызвали слесаря-комсомольца Марго и поручили ему создать при заводе первую ячейку детской коммунистической организации. Серёжа мог бы и отказаться. Но железное слово «надо», которое делало вчерашних рабочих красными директорами, военными стратегами, тонкими дипломатами, — мобилизовало все его силы на порученное дело.

В Марго жило удивительное, какое-то врождённое чувство красоты. Откуда оно у мальчишки с рабочей окраины, не знавшего даже такого слова, как «эстетика»? Видимо, от нравственной чистоты, от внутренней культуры, заложенной в людях труда, от воспитания в пролетарской среде.

Выросший на грани нищеты, он чувствовал и ценил красоту формы. Выцветшие фотографии сохранили его облик. В стрелочку брюки, белоснежная рубашка, подтянутый, стройный, загорелый. Как он успевал следить за этим, занятый по горло устройством лагеря, питанием и учёбой вожатых и ещё тысячей всяких дел.

Но только таким он мог прийти на утренний подъём флага. Красота пионерского строя, блеск фанфар, шелест знамени — всё это поднимало ребят, заставляло их высоко вскидывать голову и чувствовать себя отрядом, коллективом. Они недаром говорят, что

были влюблены в Серёжу. Самозабвенно подражали ему во всём, вплоть до походки, до манеры говорить. И это был достойный образец, хотя Марго не ставил себе спецзадачу воспитывать личным примером. Он просто безгранично любил своё дело, всегда чувствовал его праздничность и желание выполнять его лучшим образом.

Он сам увлекался прекрасной пионерской символикой, всерьёз уважал её, понимал и не боялся пафоса и торжественности, как не боялся смеха, игры и даже розыгрыша. Быть, а не казаться — такова была сущность Марго.

От станции Сиверская 12 километров надо идти пешком, да ещё с поклажей, да ещё по жаре. Но впереди знамя и вожатый. Он чувствовал, что строй начинает слегка сбиваться. Надо подбодрить.

— А ну-ка, даёшь песню! Это что за пионеры, что на шестом километре язык высунули? Осталось-то всего два километра. И ребята запели. Пошли бодрее, повеселели. Шли, шли. Потом подозрительно смотрят на Серёжу: где же лагерь? Марго смеётся:

— Так ведь километры большие. Зато теперь остались два самых маленьких!

Так с шуткой и добрались до лагеря, где уже ждал горячий ужин и весёлый костёр.

Если говорить об испытаниях, то Серёжа подготовил пионеров и к боям. Он жил героикой гражданской войны, даже ходил в кавалерийской

шинели и в шлеме. Классовым чутьём коммуниста предвидел новые схватки с миром капитала. В воздухе пахло порохом. И военные игры пионеров были не просто увлекательной забавой, а первой допризывной подготовкой ребят, воспитанием патриотизма и пролетарского интернационализма.

те». Вот как закончилась та далёкая военная игра.

Сергей Марго учил ребят беззаветно любить Родину, потому что сам любил её так же. Ушли на фронт его пионеры, и их вожатый стал ополченцем 23 июня 1941 года. Слово и дело были в нём слиты воедино.

Мастерили ребята пулемёты из фанеры, носили красноармейские кубики и звёзды, вскакивали по тревоге — всё это было серьёзно.

На старой фотографии замерли у самодельного пулемёта босоногие, лобастые мальчишки. На обороте фотографии надпись — «Лёва Пономарёв и Лёва Парв». — И приписка — «Погибли на фрон-

Он любил ребят с иступлённой нежностью, фанатично заботился о них. Даже свою небогатую вожатскую зарплату тратил на пионеров. Старался накормить их досыта и радовался, видя, как они быстро растут.

И это они запомнили. Привычку заботиться друг о друге и о других сохранили пионеры Марго.

Они и сейчас помогают заболевшим товарищам, стараясь сделать это тактично и просто. Не случайно Юрий Иванович Левальд предложил забирать детей-сирот из интерната домой на праздники, чтобы ребята были в семьях. Это тоже заплата пионерских лет. Потому что Серёжа поступил бы так же.

В декабре 1941 года где-то под Лугой погиб боец 329-го стрелкового полка Сергей Вольдемарович Марго, пионерский вожатый. В этом же грозном году пал под Пулковом Николай Алексеевич Смирнов, секретарь большевистского райкома. Коммунисты умирают одинаково — на передовой.

Памятником этой дружбы остались на Выборгской стороне две улицы: имени Смирнова и 9 мая 1965 года прибавилась улица Сергея Марго.

Ничто не проходит бесследно. Отданное бескорыстно и страстно возвращается сторицей.

Три бурных десятилетия помнили пионеры Марго своего Серёжу. Носили каждый в своём сердце. Так бы, может, он и остался только в их памяти да в семейных рассказах и воспоминаниях ровесников.

Редакция комсомольской газеты «Смена» по просьбе бывших пионеров Марго поручила пионерам школы-интерната № 15 начать поиск материалов об одном из первых ленинградских вожатых. Задание попало в хорошие руки, к горячим сердцам. Так была

открыта золотая жила пионерской истории нашего города — биография отряда Марго. Оказалось, что сотни людей запомнили Серёжу Марго. Нет, он не канул в Лету времени, он жил в родниках памяти. А когда слились воедино эти воспоминания, встал во весь рост перед нами, сегодняшними, обаятельный, ясноглазый, влюблённый в пионерию человек, который умел быть другом и отцом, товарищем и наставником, командиром и солдатом.

И так велико оказалось это обаяние, что Марго стал снова вожакom уже в наши дни, у других ребят, которые назвали себя «марговцами», а подрастающих пионеров-октябрят по-домашнему окрестили «маргошками».

Эта новая страница — тоже продолжение славной жизни Сергея Марго. На первый сбор к марговцам пришли 15 бывших его пионеров, а потом их стало больше ста. Так зародилась дружба пионеров 30—60-х годов. У отрядного знамени сменяли в карауле друг друга старшие и младшие марговцы.

17 января, день рождения Серёжи, стал отрядным праздником. Когда же отряду присвоили имя Марго, рабочие завода «Красная заря» сами отштамповали им значки. Имя вожатого на позолоченном вымпеле — таким стал знак памяти и дружбы.

Пионеры разыскали семью Марго, которая жила во время эвакуации в Свердловской области. Делегация пионеров

15-й школы-интерната пришла в Выборгский райком партии к первому секретарю Владимиру Николаевичу Смирнову. Он оказался не только однофамильцем бывшего товарища Серёжи, но и таким же другом ребят. Трудное дело в Ленинграде квартирный вопрос, и всё-таки семья Марго — его жена и дочь — вернулись в Ленинград, на Выборгскую сторону, которая не забыла своего вожатого. Квартиру обставляли все марговцы, и большие и маленькие. Пилили, строгали, делали книжные полки и оборудовали кухню. Вскладчину купили мебель, чтобы семья погибшего солдата и вожатого ощутила всю теплоту сердец пионеров, вос-

питанных Марго. Они словно старались вернуть всю нежность и заботу, которую отдал им в своё время вожатый.

Так снова шагнул в строй Серёжа Марго, павший в 1941 году под Ленинградом. Имя его известно сейчас не только в Ленинграде. Такова справедливость жизни.

Прошли годы, отсеяли мелкое, временное, и осталось главное — след в памяти людей. И чем ярче были дела, тем сильнее свет, идущий через годы. Такова трудная и завидная доля энтузиастов, одержимых, тех, кто украшает землю. В эту когорту и вошёл Серёжа Марго со своим прекрасным званием — вожатый.

Владимир ПАНЧЕНКО

Б р а т ь я

*Один из братьев в кузнице стучит —
Взлетают искры звёздами в ночи.
Другой по всем полям прошёл подряд,
И вот хлеба в тугих снопах лежат.*

*Они всегда вдвоём, всегда в пути,
Ведь в дружбе легче к счастью путь найти.
И потому мы в свой вплетаем Герб
Рабочий Молот и крестьянский Серп.*

Перевод с украинского А. ҚОРШУНОВА

О ЧЁМ Я ДУМАЛ НА ФРОНТЕ

На Брянском участке фронта осенью сорок первого года мы — восемнадцать бойцов и командиров — выбирались из окружения. Шли открытой степью и потому только ночами, минуя дороги, напрямик, по липкому, как смола, чернозёму, через болота, задёрнутые тонким ледком. Мы обходили населённые пункты, битком набитые немецкими частями. Нас мучили голод, холод и неизвестность о делах на фронте.

Случались и стычки с фашистами. Не раз мы попадали в положения, которые принято считать

безнадёжными. Выручала нас не случайность, а продуманная дерзость и хладнокровие.

К сложным испытаниям каждый из нас был подготовлен по-разному. Алексея Палкина, кадрового военного, воспитала и закалила армия. Садыка Герасимова сделала волевым и неутомимым суровая природа его родного края.

— А чему же ты, техник-лейтенант, обязан такой выдержке? — спросил меня как-то во время отдыха политрук Порезовский.

И верно — чему? До войны я был человеком совершенно «штатским,

работал инженером на заводе. Суровой солдатской науки не отведал. Но, раненный в ногу, я прошёл с бойцами почти 300 километров по территории, занятой противником. Переходил вброд замёрзшие реки, в метель спал на голой земле, часами лежал, зарывшись в стог сена, в мокрой до нитки одежде; не спал сутками и мог за ночь преодолеть десятки километров, хотя на каждом шагу надо было руками вытягивать сапоги из липучего чернозёма.

— Пионерский отряд научил меня навыкам походной жизни, — ответил я политруку. И это было чистойшей правдой.

На переправе через реку Свапу утонул компас. Я, не проходивший специального обучения, вёл группу, ориентируясь по местным предметам, как меня учил вожатый в пионерском отряде.

Южнее села Серёдина-Буда немцы прижали нас к реке. Густо валил снег. Река была широка и глубока, но за ней стоял лесок.

— К лесу! — приказал командир.

Мы переплыли реку и забились в заросли, мокрые, как курицы. Немцы искали нас. Они прочёсывали весь лесок частыми пулёмётными очередями. Одежда на нас замёрзла.

— Спаслись от пуль, так обморозимся насмерть. Надо развести костёр, только без дыма, — сказал командир.

Вызвался я. Костёр получился удачным: дым стлался по земле и застревал в хворосте. Позднее мы разводили разные костры. Разжигали в дождь, шедший пятые сутки кряду, и тратили на это всего одну спичку. Разжигали ночами костры для обогрева под носом у немцев. На специальных «кухонных» кострах варили пищу, даже когда сквозь деревья видели двигавшиеся по дороге немецкие обозы. Много надо было уметь в нашем положении: ставить шалаши, мастерить носилки, оказывать первую помощь, связывать плоты, вязать разные узлы, бесшумно полз-

ти в разведке и маскироваться под местность. Все эти навыки я черпал из своего пионерского опыта.

— Военному делу в отрядах — почёт! Без походов, военных игр, военных кружков — какой же это пионерский отряд? — говорили мы на пионерских сборах в 20-е годы.

Шефами наших военных дел в отрядах были герои гражданской войны — почётные пионеры 20-х годов: Фрунзе, Будённый, Ворошилов, их боевые товарищи. Они вели с нами беседы у костров, играли в военные игры...

На всю жизнь запомнился день, проведённый шестью тысячами пионеров в Октябрьских лагерях у красноармейцев во время первого пионерского слёта в августе 1929 года. Я работал тогда в центральном штабе слёта.

— Всё было замечательно, товарищ нарком, — докладывала по телефону К. Е. Ворошилову член бюро ЦК ВЛКСМ Нюра Северьянова.

— Ну, а как было организовано с питанием? — поинтересовался нарком.

— Отлично. Ребята в лагерях ели щи и кашу из красноармейской кухни лучше, чем превосходно приготовленные бифштексы и гуляши в ресторане «Шестигранник» Центрального парка культуры и отдыха.

— В Красной Армии у всех аппетиты хорошие! — пошутил Ворошилов.

Помню и другой случай. В двадцать восьмом году к нам в лагерь приехал шеф нашей пионерской дружины — председатель ЦКК, позже нарком тяжёлой промышленности Серго Орджоникидзе. Он привёз нам мелкокалиберную винтовку Тульского оружейного завода. Было видно, что с её ложа снята дарственная пластинка.

— Оружейники Тулы были у меня и вот подарили. Мол, учись стрелять, товарищ Серго, — с кавказским акцентом, посмеиваясь в чёрные усы, рассказывал Орджоникидзе. — Я им говорю: зачем, дорогие, учиться, когда я уже умею.

После гражданской не забыл. Тогда, говорят, своим детишкам отдай. Хорошо, говорю. А сам думаю: «У меня только одна маленькая дочка Этери. Зачем ей винтовка? Нет у меня больше детей». — Орджоникидзе тряхнул щёткой чёрных волос и продолжал:

— Зачем неправду говорю! Все дети мои. В нашей стране нет чужих детей. Нет и не будет!

По совету Орджоникидзе мы провели двухдневную военную игру. Консультантами Серго прислал нам двух слушателей Академии связи, бывших бойцов дивизии Кивидзе. Один из них был с редким тогда орденом Красного Знамени на груди.

В игре принял участие весь лагерь.

Часовым у мачты с мелкокалиберной винтовкой, подаренной Серго, стояла даже солидная пожилая лагерная повариха Мария Петровна.

— Вот теперь военная работа лагеря на пять! Де юре и де факто

на сто процентов! — с удовольствием рапортовал мне, как вожатому, председатель совета лагеря Андрей Енютин.

Пионерия на выдумки хитра. Однажды наши ребята «онемели». Они махали флажками, как сигналисты, дудели в самодельные дудочки, будто пастухи, не говорили друг с другом, а стучали в стенки, словно сидели в одиночных камерах.

— В чём дело? Что за озорство? — заволновались вожатые.

— Мы изучаем азбуку Морзе, — не ответили, а отстукали пионеры.

Как в каждом порядочном лагере, у нас был тир. Мы его оборудовали в овраге. Там щёлкали выстрелы из мелкокалиберной винтовки, подаренной Орджоникидзе, и раздавались возгласы, понятные любому стрелку.

— Ого, в яблочко!

— В белый свет, как в копеечку!

— Пули все за молоком.

Звание чемпиона лагеря по стрельбе завоевала девчонка — Та-

мара Костомарова. Она выбила из 25 возможных 25 очков. Опередить её было нельзя. И поэтому любимица лагеря октябрёнок Муха Лагран дразнила мальчиков-стрелков и самого главного энтузиаста военной закалки председателя совета лагеря Андрея Енютина:

— А Андрей не может, сколько бы он ни старался.

Выручил «мужчин» приехавший в лагерь по поручению Серго консультант. Из боевого нагана он все семь пуль послал в яблочко мишени.

— И мы так будем стрелять, когда красными командирами станем! — обещал Алексей Енютин. Свои обещания он всегда выполнял. В лагере даже бытовала поговорка «Сказано Андреем, значит сделано».

Наверное, такие обещания давал не один пионер Андрей Енютин, геройски погибший в звании капитана на Одере.

В 1945 году, спустя два месяца после победы, командир корпуса, бывший унтер-офицер лейб-гвардии Павловского полка, герой штурма Зимнего и гражданской войны генерал М. И. Глухов приказал мне из Праги огправиться в Вену. Австрийская столица была сильно разрушена американскими бомбардировщиками.

— Вена капут! — продавая около развалин оперного Венского театра открытки с видами разрушенного города, жаловался пожилой австриец в коротких тирольских штанах. В таких штанах в Австрии ходили по улицам многие взрослые и даже полицейские.

В Вене, как и в других городах Европы, нам приходилось встречаться с войсками союзников: англичанами, французами и американцами. Часто устраивались различные спортивные соревнования. В этих соревнованиях, как правило, победу одерживали советские воины. В футбол советская армейская команда обыграла англичан. В баскетбол победила французов.

Однажды мы, четверо офицеров,

остановились у одного уличного тира почти в центре Вены. Сюда же подошли американцы.

— Хелло, будем предлагать соревнование на лучший стрелок, — окликнул нас упитанный американский лейтенант с расстёгнутым воротом.

— О'кей! — согласились мы.

Решили стрелять по две пары от каждой страны. Одновременно стреляли два человека из одной команды: один по правым, другой по левым фигуркам тира. Мы стреляли неплохо. Сбили почти все фигурки, промахов было мало. «И тут помогла пионерская выучка», — подумалось мне.

Первая американская пара стреляла значительно хуже нас. При смене пар американцы громко заспорили между собой. Результаты второй американской пары оказались по меньшей мере странными. Левый стрелок не сбил ни одной фигурки, зато правый — упитанный американский лейтенант с расстёгнутым воротом, сбил фигур больше всех стрелявших. У него не было ни одного промаха. Кто-то даже заметил:

— По-моему, он сбил фигур на одну больше, чем выпустил пуль.

— Русский лютше коллективизм, Америка лютше индивидуализм! — хохотал упитанный лейтенант-американец, похлопывая меня по плечу.

Когда американцы ушли, владелец тира, понимавший по-английски, по секрету сообщил нам, что вторая американская пара сговорилась стрелять только по фигурам правой стороны: вдвоем по одним и тем же мишеням. Они решили вывести в «чемпионы» американского лейтенанта.

— Почему же вы нам сразу не сказали об этом? — спросили мы австрийца.

— О, тогда я обязательно получил бы по роже, — испуганно признался владелец тира. — Американцы стесняться не любят.

— Честное пионерское, мы не дали бы вас в обиду! — воскликнул

один из офицеров. Разумеется, он тоже был когда-то пионером.

— О, американцы стали бы бить меня после, когда вы уже ушли. Они не любят драться с сильными! — воскликнул австриец.

— Эх, майор, не хватило у тебя пионерской смекалки, — с медведем дружись, а за топор держись, — упрекнул меня генерал Глухов, когда я вернулся из Вены. — Я ведь тоже был пионером в двадцатых годах, только, увы, и тогда уже почётным. В отряд меня товарищ Фрунзе послал.

В корпусе офицеры и солдаты любовно величали командира Глухова «наш старик». А он мне однажды сказал, как попало ему от

моего отца в 1917 году, когда «павловцы», охранявшие мост через Неву, пропустили в американском автомобиле удравшего Керенского.

— Граки, — ругал нас ваш папаша, председатель ВРК, — граки вы и больше никто. А граки по-украински очень обидное прозвище, голубчик майор!

...Вот о чём я — пионер и комсомолец 20-х годов — вспомнил накануне 50-летия пионерской организации. Написав этот очерк, я прочитал его старым фронтовым друзьям.

— Правильно, товарищ майор, — поддержали меня фронтовики, — без крепкой закалки в пионерские годы в сто раз труднее была бы для нас война.

Васо МАЛИТИ

ЛЕНИНГРАДСКИЕ РЕБЯТА

Я плакал оттого,
Что есть хотелось очень.
Последний съеден был
Чурек два дня назад.
Мне говорила мать:
«Ну, потерпи, сыночек,
Соседи чем-нибудь
Нас угостят».
Но от соседей мать
Не принесла ни крошки.
Я плакал, а она
Твердила мне: «Сынок,
Я к мельнику схожу,
Ты потерпи немножко.
Найдёт он нам муки,
И испечём пирог».
А мельник на войну ушёл.
Я знал об этом.
И мельница была
Врагами сожжена.
Твердила мать: «Не плачь!
Отец вернётся летом
И хлеба принесёт,
И кончится война...»
Но не пришёл отец...

Лишь весть порою зимней
О гибели его
К нам постучала в дверь.
Сказала мать: «Крепись!
Будь мужественным, сын мой, —
Мужчина в доме ты
Единственный теперь!»
Я плакал, смысла слов
Не понимая этих...
«Стыдись! — сурово мать
Тогда сказала мне. —
А в Ленинграде как
Живут в блокадном дети,
Не слышал? Значит, ты
Не знаешь о войне.
А там и день и ночь
Взрываются снаряды,
Нет пищи, нет воды, —
Бомбёжки, холода.
И всё ж назло врагу
Не плачут там ребята!»
...И больше я с тех пор
Не плакал никогда.

Перевёл с осетинского
Сергей ВОЛЬСКИЙ

От взрывов дальних
 Ухнет окрестность.
 С утра
 Торчу над Лиговкой
 В окне.
 Идут войска,
 Вбивает марш оркестр,
 И кто-то
 Из колонны
 Машет мне.
 Не на парад,
 Под Пулково
 куда-то
 Они идут, идут, идут,
 за рядом ряд...
 И вдруг я понял —
 Это же
 мой папа!.. —
 Тот,
 Мне пилоткой машущий солдат.
 — Отец! Куда ты?! —
 Я рванулся с места,
 Руками в подоконник застучал.
 И я кричал, кричал ему, кричал...
 Но всё не мог
 перекричать оркестр.

Шумят ветра...
 И через годы
 снова
 Себя я вижу
 мальчиком в окне
 И папка мой,
 Родной,
 бригоголовый,
 В последний раз
 Пилоткой машет мне,

ВСЕ В

НАШЕМУ литературному кружку при библиотеке 347-й школы всего два года. Занимаются в нём и ребята из младших классов, и старшеклассники. Когда речь идёт о стихах, возраст большой роли не играет: все ребята здесь в одном классе, все — начинающие.

Вначале наши кружковцы не писали. Они просто учились художественному восприятию, выразительному чтению стихов. Но, читая классиков, поэтов-современников, ребята захотели испробовать и свои силы, сами что-либо написать. Так у нас появились свои поэты.

В дни войны

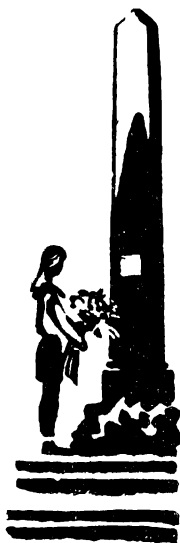
*Мы не знаем, но взрослые знают.
Как в суровые дни войны
На проспектах стояли трамваи,
Белым снегом занесены.
Шли мальчишки, шатаясь*

от голода.

*По сугробам к Неве седой,
Становились в очередь к проруби,
К стылой проруби за водой.
И везли её к дому бережно,
Расплескать боясь по пути.
Эти люди в победу верили,
Знали — к ней нелегко прийти.*

Галя СЕМЕНОВА, 6-в класс

Обелиски

*Уходит дорога...
Далёко ли, близко?
У края дороги
Стоят обелиски.
Короткая надпись
На тех обелисках:
«Погибли, сражаясь
С ордою
фашистской».*

*Приходят сюда
Ветераны-солдаты,
Они вспоминают
Что было когда-то:
Воздушный таран,
Парашют над собою,
Горящие танки,
Бои под Москвою...*

*Здесь клятву приносят
Торжественно дети,
Что будут всегда
За Отчизну в ответе.
Подходят и молча
Кладут у подножья
Цветы, что сорвали
В лугах*

придорожных.

*Уходит дорога...
Далёко ли, близко?
Навеки останутся
Здесь обелиски.*

Лена КРЕСТЬЯНЦЕВА,
5-а класс

ОДНОМ КЛАССЕ*

На занятиях кружка каждое стихотворение обсуждается, ребята придирчиво исследуют каждую строчку, не терпят фальши.

Кружковцы выступают со своими стихами на школьных вечерах. Их произведения часто можно прочесть в стенгазете. А сегодня некоторые из наших стихов мы предлагаем вниманию читателей «Искорки».

И. НИКОЛАЕВА,
руководитель литературного кружка

«Марс - I»

Помчался в космос
«Марс-1»

К планетам неизвестным,
И мы взволнованно глядим
На звёздный свод
небесный.

Лети, вперёд!
Лети, спеши!
Горячим пламенем дыши!
Дыши сильнее и жарче,
Чтоб солнце стало ярче,
Чтоб люди больше знали,
Чтоб звёзды ближе стали!

К о н ь

Конь мой хороший,
Конь мой послушный,
Тихо стоишь ты в конюшне своей.
Если б сказал ты,
Я бы послушал,
Сколько ты сделал добра для людей.
Как ты в труде и в беде помогал,
Как необъятные пашни пахал,
Как ты под пулями мчался стрелой,
В самый последний, решительный бой.
...Только ты тихо в конюшне стоишь,
Ухом поводишь да глазом косишь.

Валерий КУЗИН, 5-а класс

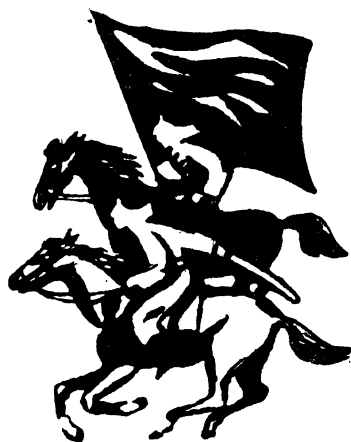

Рис. А. Курушина

В КОНЦЕ МАЯ сорок пятого мои друзья-однополчане ещё только мечтали о встрече с любимым городом. И если им в частях давали иногда увольнительную, то куда она могла привести? К развалинам имперской канцелярии, к Бранденбургским воротам? К ним шли всю войну... А вот домой...

«Тебе повезло, — писали мне ребята в госпиталь. — Не сегодня-завтра вернёшься в Ленинград, выйдешь к Неве, постоишь у Медного всадника, у Петропавловки...»

Мне действительно повезло. «Помогло» тяжёлое ранение... Только когда ты очень молод, что может быть важнее долгожданных встреч?! А насчёт Медного всадника, Петропавловки друзья ошиблись. Первый мой ленинградский маршрут лежал в стороне от Невы: неудержимо тянуло к улицам моего недавнего детства.

...Среди потемневших, изъеденных шрапнельной оспой зданий я вдруг заметил необычайно свежий, светлый фасад знакомого дома. Но я же помню: в первую блокадную осень его превратила в груды кирпичей пяти-соткилограммовая бомба! Неужели так быстро встал он из развалин? Подхожу ближе. Хочу прикоснуться к каменным стенам и лишь тогда ощущаю: фанера.

Кисть художника воспроизвела фасад удивительно объёмно. Конечно, она не могла вернуть жизнь разрушенному дому, но зато вдохновенно торопила сегодняшний день.

Сам художник, увидев меня, оставил свои декорации. Был он в ватнике, в зимней шапке.

— До сих пор холод из себя не выгнать, — словно извиняясь за тёплую одежду, — сказал он. — Со мной бывший эвакуированный работает, тоже в нашей школе учился, так он столько раз спрашивал, что у нас самое страшное было: голод или обстрелы? Холод, отвечаю, к нему привыкнуть нельзя. А он не верит. Думает, что Сашка его разыгрывает.

Мне показалось, он специально назвал свое имя, понимая: всех в школе не удержишь, тем более младшеклассников. А разница у нас огромная — года четыре. Ему и сейчас не больше пятнадцати, а на моих плечах сержантские погоны.

Потом-то я узнал и фамилию, и класс, в котором учился Саша. Припомнил, мне кажется, даже его картины на довоенной выставке.

А тогда, едва узнав друг друга, мы говорили как старые друзья. И в этом не было ничего удивительного. В послеблокадном Ленинграде даже такие встречи происходили не часто.

Сашка, словно боясь не успеть, торопливо рассказывал мне о своих планах. К встрече победителей его малярная бригада должна успеть оказать раненым домам первую помощь. А осенью — в техникум, архитектурно-художественный. Надо успеть сделать рисунки для приёмной комиссии. Старые в трубу вылетели.

Осенью я встретился с ним в последний раз. Не в техникуме — в больнице. Принесли обед, но Сашка к нему не притронулся. В палате было тепло, а он, виновато улыбаясь, говорил: «Знаешь, до сих пор не могу согреться».

Какой художник не мечтает о том, чтобы его произведения остались с людьми навсегда? Сашиных рисунков не осталось. Те, что создавались до войны — сгорели в буржуйке, а в блокаду не до рисования было. Фанерные фасады? Но и они скоро уступили место настоящим. И всё-таки они остались... в нашей памяти, как первый символ возрождающегося города.

А разве этого мало, чтобы не забывать Сашу?

* * *

*Все дороги к Риму непременно —
Уверяли древние — ведут.
Двор мой довоенный, незабвенный,
Ты и в дальней дали на виду.
Над тобой квадратик малый неба,
Ни травинки из-под серых плит,
А подумать: ты угрюмым не был,
Для природы широко открыт.
И она в твои ворота мчалась.
И кружила под любым окном
Тополиным запахом сначала,
Тополиной замятью потом.
Сашки нет...*

*Дороги мимо, мимо
По асфальту мокрому скользят.
Как вы были мне необходимы,
С улицы Восстания друзья!
...Показалось в первое мгновенье,
Что Олег из довоенных дней
Вышел посидеть на перемене
И ничуть не удивился мне.
Та же куртка с белым блеском молний.
Только потемневшая сейчас.
Как же мне такую не запомнить,
Если ей завидовал весь класс!..
Мы его дразнили: «Белоручка!»
Он молчал, пока хватало сил.
Прав на героическую участь,
Нам казалось, он не получил.
Память детства, как ты мне мешала!..
Я, Олега сравнивая с ней,
Как-то не заметил сначала
Прислонённых к стенке костылей.*

Листья взбаламученным потоком
 Проносились возле наших ног.
 Я про Сашку рассказал, про то, как
 Он спастись от холода не мог.
 Зимы перебрав твои, блокада,
 Каждую отдельно мы храним.
 Никогда их не поставим рядом
 С первой, страшнойшейю из зим.
 Сердцем, пусть не сразу, но смогли мы
 Свист летящих бомб не замечать.
 Только холод был неумолимым
 Днём, ещё сильнее по ночам.
 Мы не замерзали — промерзали,
 В одеялах тяжесть лишь одна.
 И во тьме всегда перед глазами
 Белая от инея стена.
 Для буржуйки — щепки да страницы.
 Пасть откроет — сразу прогорят.
 Никуда от холода не скрыться.
 И ведь это месяцы подряд!
 Он врасстал в нас. Жил и после снега.
 К сердцу подступал через года.
 Как нам было не понять с Олегом
 Сашин холод — холод навсегда.
 ...Фронт рубил и прорубал блокаду.
 И в прорыв, в сраженье, за теплом
 Эшелон ушёл из Ленинграда,
 Лесорубы уезжали в нём.
 Нет, не пели. Песни после были,
 К нам неслись от тихвинской земли.
 Как вы умирали, но рубили,
 Словно в рукопашную ходили,
 Скольких вы от холода спасли!
 Что же ты молчишь, Олег, об этом?
 Славою армейской обойдён,
 Школьный друг уходит от ответа,
 Костыли поглаживает он.
 Грустная улыбка проступает.
 «Не привыкнуть, — говорит, — никак.
 Девочки при мне встают в трамвае,
 Чтобы посадить фронтовика.
 Как им скажешь: пороха не нюхал,
 И не вражья пуля обожгла.
 Просто тыловая смерть-старуха
 Падающим деревом была...
 Думали, не выживу, а выжил.
 Без бригады что я?»

Инвалид.

Разозлился. Приспособил лыжи —
 Раз нога не ходит, пусть скользит.
 А в лесу работы все на пару.
 Значит, перед нормою равны.
 Я старался есть паёк не даром,
 Чтоб не стать обузой для страны.
 А когда глаза слепило потом,
 Упиралась яростно пила,
 Думал я про первую работу.

Ты, что самой трудной была.
Ты ведь помнишь...»

Да, Олег, я помню.

Скована блокадной немотой,
Лестница черней каменоломни.
Сумка почтальона за спиной.
Тяжелей не знаю в мире ноши.
Выше не бывали этажи.
Люди ждут.

А для вестей хороших
Прежде надо зиму пережить.
...Ветер нёс над ветками багрянец.
И от ветра шурились глаза.
«Что же мы стоим? В наш двор заглянем», —
Кто из нас, не помню я, сказал.
Бил костыль пронзительно о камень.
Это слышал я.

Не слышал друг.
Впереди нас рыжими зверьками
Мчались листья к нашему двору.

РЕБЯТА нашего двора... Их и до войны — наперечёт. Если даже считать со всеми малышами, ну — тридцать. Словом, почти что взвод.

Война уже въезжала в город санитарными машинами, занимала школы под госпитали, гремела военными маршами, звала плакатами. Но сам фронт не был слышен. Да и в ленинградском небе пока не появлялись фашистские самолёты. И все мы как-то не определились. Дело нам нашёл Борька Цыган.

Почему его прозвали Цыганом? До сих пор не пойму: белобрысый, фамилия самая обыкновенная — Семёнов. Возможно, за любовь к перемене мест? В нашем районе, по-моему, не осталось школы, в которой он не учился, если можно назвать учёбой сидение почти в каждом классе по два года. Нет, Борька Цыган вовсе не был тупицей. Азбуку Морзе, например, он знал не хуже флотского радиста, но в школе её почему-то не проходили.

Мы страшно удивились, что он снизошёл до нас. Но что ему оставалось делать? Дружбу он всегда вёл с матросами. Теперь им не до него.

«Пацаны, айда в школу», — приказал он. Вид у Борьки был солидный. Переговоры закончились благополучно. За нами утвердили гордое звание: санитары-добровольцы. Все мы переполнились чувством благодарности к начальнику госпиталя и к бригадиру. Но оба они переоценили наши силы. Поток санитарных машин казался бесконечным. Ладони деревенели, вот-вот выпустят толстые ручки носилок. Борька заметил это и приказал нам перестроиться. Теперь мы носили раненых вчетвером. Впрочем, такая расстановка сил вскоре показалась Цыгану нерациональной. Он раздобыл брезентовые лямки. Петлями они продевались в ручки носилок, а сами лямки ложились нам на плечи.

К концу дня спина не разгибалась, на шее бугрились рубцы. Зато руки уставали меньше. А главное — опасность выпустить носилки полностью отпала. Работа уже входила в привычку, когда Борька, назначив себе заместителя, покинул нас.

В городе завершалось формирование добровольческих дивизий. В середине сентября фронт подошёл к самому Ленинграду. Раненых прибывало

больше. Нам пришлось выделить из своей бригады связного. Он находился в госпитале всю ночь. Как только голубые фары санитарных машин возникали за оградой, он бежал в наш двор и поднимал нас по тревоге.

В одну из таких тревог мы и услышали знакомый голос: «Э, никак моя бригада... Нет, нет, пацаны, не меня. Соседа сперва несите».

В свободные минуты мы приходили в Борькину палату, расспрашивали о фронте. Он, всегда любивший прихвастнуть, говорил сдержанно. О своем участии в боях — ни слова. Нам казалось, что Борька просто стесняется своих соседей — кадровых военных. Но теперь-то я понимаю, дело не в этом. Менялось Борькино отношение к жизни.

Естественно, мы первые узнали, что в госпиталь прибудет фронтовое начальство. Когда полковник вручал Борьке орден Красной Звезды, нам удалось оказаться в палате. Замерли, слушая его тихий голос: «Служу Советскому Союзу...»

* * *

*А был в санитарной бригаде
Еще один Борька у нас.
Я мог бы, понятности ради,
Дать имя другое сейчас.
Назвать его Петькою, Толькой...
Поверьте, — никак не могу.
Он стал персонажем бы только,
Я Борьку живым берегу.
Ходил он всегда в невезучих,
Не вешал в отчаянье нос.
И эту печальную участь
С привычным достоинством нёс.
Я помню: на праздник, бывало,
Бои закипали в дровах,
Тут ясно — дыра оставалась
На Борькиных новых штанах.
А если по классу дежурил,
То мел становился сырým.
Большие и малые бури
Всегда нависали над ним.
Дивились в отряде ребята:
Не Борька — собрание бед.
Конечно, судьба виновата...
И вновь помогали судьбе.
...Тот вечер я помню детально.
Бежим мы наверх на посты.
Над красным крестом*

госпитальным

*Черны бомбовозов кресты.
Борис с удивительной прытью
Схватил, словно был с ним*

на «ты»,

*Огромнейший огнетушитель,
Название одно — «Богатырь».
Сквозь хитросплетение балок,
В немыслимый жар, напрямик,*

Туда, где огнём бушевала
 Термитная бомба, проник.
 Он был воплощением героизма,
 Но, собственной верен судьбе,
 Сумел пусковое устройство
 Направить не к бомбе — к себе.
 Могучая пенная сила
 Послушного «Богатыря»
 Бориса к стене пригвоздила,
 И Борька противился зря.
 Не помню, что крикнул Борису
 Разгневанный старший Борис.
 Он к бомбе проник по карнизу,
 Пошел на отчаянный риск:
 Стремительно в ватник закутал
 Шипящий, пылающий ад.
 Термитная чёртова кукла
 Упала, бессильная, в сад.
 Потом обсуждали мы жарко
 Детали сраженья в огне.
 А наш неудачный пожарник
 Печально сидел в стороне.
 И всё повторял безнадежно
 (Впервые судьбой удручен),
 Что дальше так жить невозможно,
 Что больше не выдержит он.
 Невольно затихли ребята,
 Когда, помрачневший всерьёз, —
 «Нет, выдержишь, гусь

полосатый!» —

Цыган по складам произнёс.
 И пусть с бессловесным укором
 Был выслушан грозный приказ.
 Ты выдержал, Борька.

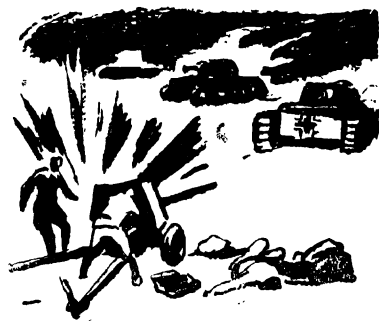
И скоро

Стал первым пожарным у нас...
 Потом он на фронт мне напишет
 Про то, что не вешает нос,
 Что даже в пожарники вышел,
 Хотя до бойца не дорос.
 Тогда оставалось блокаде,
 Должно быть, неделя всего...
 Победной весной в Ленинграде
 Я встретился с мамой его.
 Неписанным стало законом
 В те годы великих потерь —
 Не спрашивать первым знакомых:
 «Где ваши родные теперь?»
 Но Борька, ведь он же...

Смотрели

Глаза материнские вниз.
 «Борис при последнем обстреле...»
 И вновь еле слышно:

«Борис...»

ПО МУДРЫМ ЗАКОНАМ памяти давние события сжимаются во времени. Исчезают многие дни, а годы просматриваются, как осенняя роща в первый морозный день. Но как бы ни сжималось время в нашей памяти, я думаю: какая она была долгая, эта война! Встречали её мальчишками, едва познавшими таблицу умножения, а завершали бывальными солдатами.

Если бы всех моих друзей с Восстания, 15, удалось собрать вместе, я попросил бы разрешения прочитать стихи, посвящённые им. Эти стихи писались давно и начинались так:

*Мы не очень знали математику.
Физика была, как тёмный лес.
Но вошла к нам в детство автоматика
Грозным автоматом ППС.*

Увы, стихи мои опоздали к своим главным адресатам даже тогда, в срок победном году.

Впрочем, отсутствие серьёзных познаний в области математики и баллистики не помешало одному из нас приступить к разработке проекта новых зенитных снарядов. С этим проектом Мишка ходил на Марсово поле к командиру зенитной батареи. Несмотря на слабость технических доказательств, идея была верна. И состояла в следующем: снаряд, вылетая из ствола, должен самовзрываться на заданной высоте. Мишку похвалили за самостоятельность мышления и огорчили, наглядно продемонстрировав осуществлённую идею.

Прикинув, что на новое изобретение потребуется слишком много времени, Мишка решил помочь армии личным участием в боях.

Фамилия у Мишки была занятная — Топай. Ударение ребята изменили и превратился Мишка Топай в Мишку Топай-ка.

Обладая умом аналитическим, он смирлял порывы сердца, понимая, что всякое серьёзное дело требует серьёзной подготовки. Прежде всего он, незаметно для взрослых, урезал свою хлебную норму и сушил сухари. В сентябре это было ещё возможно, тем более при наличии крепкой воли. Затем он уговорил единственного оставшегося в нашем доме малыша Алёшку Осташкина поменяться: марки на бинокль.

Алёшка, несмотря на свой семилетний возраст, был человек хозяйственный — хорошо знал цену трудовой копейки. Жили они с братом у тётки. Родителей не помнили. Тётка была подсобницей в железнодорожных мастерских. Часто работала по две смены. Братья сами готовили обед. И никогда у них ничего не подгорало, не выкипало, а тарелки не прыгали на пол.

Марки Алёшка не собирал. Он собирал металлолом, сдавал его в утиль. На вырученные деньги купил тетради, букварь и большую коробку цветных карандашей. Осталось купить самое главное — портфель. Портфель подарили. Но всё оказалось ненужным — пришла война.

Конечно, марки красивые. На них расправляли паруса испанские фрегаты, плясали у костра индейцы, шли к водопою тигры, загадочно улыбались сфинксы. Но в военное время...

Алёшка склонялся к отказу. И тут Мишка Топай-ка под величайшим секретом открыл свою тайну. Обмен совершился. У бинокля, правда, не хватало одной линзы. Но его можно было использовать, как подзорную трубу. Нарядную золотистую поверхность бинокля Мишка перекрасил в чёрный цвет.

Первый его поход завершился в Колпине. Расстояние, может быть, и не ахти какое, но пришлось-то идти не по дорогам. На них бы его сразу заметили и вернули в тыл.

Отодвинули осуществление Мишкиных планов не наши патрули — «мессершмитт». Он погнался за Мишкой, заставил его свалиться в канаву. Пулемётная очередь расковыряла землю у самого носа. Когда фашист улетел, Мишка долго не мог встать. Но не от страха, конечно. Прыгая в канаву, он разбил коленку.

Женщины, копавшие неподалёку противотанковый ров, перевязали ногу, накормили обедом. Свои сухари Мишка не ел. Не из жадности. Просто знал: ещё пригодятся.

В ноябре ему пришлось развязать свой мешок. Объяснять маме, откуда появились сухари, не стал. Сказал только: «Можешь быть спокойна. Это честные сухари».

В следующий раз Мишка пошёл на фронт зимой. К этому времени его организм находился на той кризисной точке, когда голод уже не мучил. Ноги распухли и с трудом влезали в старые отцовские валенки. В кармане у Мишки лежал документ, предъявив который он не мог получить отказа.

У дома встретил братьев Осташкиных. Они тоже собрались в поход. Только маршрут у них был иной. Дмитрий и Алёша шли за дровами.

Мишка сказал им: «Всё. Ухожу на фронт окончательно.»

Младший Осташкин молчал. Разговаривали старшие.

«Без привалов не дойти. А сядешь... Сам понимаешь. Надо до весны потерпеть».

«Не могу».

«Можешь. До весны точно можешь».

Мишка не спорил. Он показал Димке письмо. Нет, не обычный солдатский треугольник, — конверт, а на нём буквы, отпечатанные на машинке. Письмо адресовалось Мишкиной маме и были в нём частые в те годы и такие непоправимо безысходные слова: «...до конца выполняя свой долг перед Родиной...»

«А мамка не знает?»

«Ясное дело», — Мишка вздохнул и, не прощаясь, пошёл в сторону Международного проспекта.

Житейски мудрый Димка оказался прав. До передовой Мишка не дошёл. Вернулся домой.

Ну, а как же ты, мечта мальчишкина?!
Неужели все походы зря?!
Оставалось до атаки Мишкиной
Целых два блокадных января.
И в прорыве главным, очень верю я,
Той атаки не загладишь след...
Праздничная била артиллерия,
Говорила звёздами побед.
Говорила огненными стропами
О героях, приближавших май.
Значит, и о нашем Мишке Топай-ка,
Мишке по фамилии Топай.

Теперь, вспоминая блокаду, мы говорим о тринадцатилетних мальчишках, вставших к станку, как о героях.

И это правда. Но правда и другое: ленинградские мальчишки подвигом это не считали.

Попасть на фронт было высшим идеалом всех ребят, в том числе и юных токарей.

Дмитрий Осташкин исключения не составлял. Вместе с Мишкой они готовились к первому походу на фронт. Но в самый последний момент Мишка отказал ему из соображений конспирации.

Во второй раз Димка не пошёл сам из-за Алёшки: братья остались одни. Димку приняли на токарный участок, где ещё недавно работала тётка.

Мальчишкам с Выборгской было легче — заводы рядом. Димке приходилось огибать огромные кварталы, проходить десятки улиц. Правда, зимой путь стал почти прямым — через замёрзшую Неву к самому вокзалу. Одна беда: на преодоление обледеневшего, крутого берега тратилось слишком много сил.

На Алёшке лежало домашнее хозяйство. Как это ни странно звучит, забот стало куда больше, чем до войны. Алёшка вставал первым, чтобы выкупить хлеб. Вообще-то Дмитрию было удобнее получать свой паёк в депо. Там и титан с горячей водой рядом. Но на его глазах погибало слишком много людей, для которых обязанность двигаться переставала существовать. И он не позволял младшему брату оставаться без обязанностей.

Была и ещё одна причина. Пусть Алёшка съест по дороге довесок. Алёшка не съедал, даже если их оказывалось два или три. По дороге из булочной он отводил взгляд от своих рук, от мёрзлых фиолетовых кусочков хлеба. Днём он запрягался в санки и ехал за водой. Отдыхая на каждой площадке, тащил чайники на четвёртый этаж.

Труднее всего было с топливом. В тот январский день, когда Мишка получил похоронку, братья отправились за дровами вместе. Алёшка разведдал, что ломают бывшее кафе. Находилось оно в Таврическом саду, на том самом месте, где сейчас высится здание панорамного кинотеатра. Путь немалый. К солидным доскам ребята опоздали. Остались разнокалиберные рейки, обледеневшие куски фанеры. Собирались они легко, а вот уложить их на санки... Мешок взять не догадались, а из-под верёвок всё сыпалось. Санки притащили к дому ночью. Не сговариваясь, зашли в Мишкину квартиру и оставили в комнате охапку реек.

Если б ребята знали, что их неожиданная забота скажет Мишкиной матери то, что должна была сказать похоронная...

Осташкины держались до февраля молодцами. Паёк увеличили, впереди ждало весеннее тепло. И тут Алёшка потерял карточки — свою иждивенческую и Димкину — рабочую.

Димка не кричал, не ругал брата. Случилось самое худшее, самое неожиданное — он разревелся. Алёшка забрался в угол и, боясь пошевелиться, не мигая, смотрел на опущенную голову, на вздрагивающие плечи своего единственного близкого человека. Минуты опасного расслабления прошли. Димка оделся, чтобы идти на работу. И вдруг почувствовал — ноги не слушаются.

Братья слегли.

И, наверное, не встали бы, не войди в их комнату политрук роты...

ГАЛЮ назначили вожатой в 6-б за год до войны. У неё оказалось множество достоинств. Она умела внимательно слушать ребят не только на пионерских сборах, умела петь лучше учительницы пения. И никогда не говорила: «Подпевайте!» Это хотелось делать самим. Такие уж были песни певучие. В них шестести степные травы, пыл величественный Днепр, дышало высокое небо и почти всегда присутствовала история о любви.

А Галины ресницы, такие густые и длинные, казались специально приклеенными. Впрочем, сравнение это носит поздний характер. В те времена

девушки, если не ошибаюсь, до искусственных ресниц ещё не додумались.

Первыми, как и положено, её стали боготворить девочки-шестиклассницы. Подошла и мальчишечья очередь. Но влюблялись они в вожатую не за пение и уж, конечно, не за красоту. Исключение составлял Димка. В тот год он начал читать «Вечера на хуторе близ Диканьки». Все самые красивые, самые весёлые гоголевские героини возникали перед ним в Галином образе.

Восторг Димкиных товарищей вызвала Галина борьба за справедливость. Носила она несколько прямолинейный, но своеобразный характер. Если кто-либо, пусть даже девятиклассник, обижал её подшефных, Галя немедленно находила обидчика. Нотаций не читала. Брала за шиворот и только один раз, но так крепко встряхивала, что даже мужское самолюбие не вызывало охоты к сопротивлению. Галя мечтала стать лётчиком-истребителем или, по крайней мере, инструктором парашютного спорта.

Для Димки она была не только вожатой, но и соседкой по квартире. Между прочим, ей стало известно, что для покупки портфеля Димкиному брату придётся собирать металлолом слишком долго. Она подарила ему свой. Он служил хозяйке верой и правдой лет восемь, а выглядел почти новеньким. Девочки это умеют.

В военном июле Галя уехала на окопные работы. Потом ей удалось попасть в войска противовоздушной обороны. За короткий срок прошла путь от рядового до политрука. Жила на казарменном за Невской заставой.

Над стволами зенитными

звёзды февральских снежинок.

Проверяя посты, политрук по траншее идёт.

Вот и вправду теперь

командиром ты стала, Галина.

И в заботах иных отошла от ребячьих забот.

День рождения Армии

надо отметить не наспех.

Пусть не думает враг,

что в блокаде и праздников нет.

Вот сейчас бы сюда акварельные школьные краски.

И особенно красный —

самой Революции цвет.

И решил политрук:

добираться до дома придётся,

Чтобы праздничным стал боевой комсомольский листок.

Из-за Нарвской заставы — далёкой,

как в песне поётся,

И действительно дальней для трудных блокадных дорог.

...Только ты в эту ночь

возвратилась без красок в казарму.

Ты на санках везла через город ослабших ребят.

Это братьям Осташкиным чудом движенье казалось.

Было это движенье нелёгким трудом для тебя.

А листок боевой к двадцать третьему был не раскрашен,

Да к тому же тревога

ворвалась в февральский рассвет.

Но к победам большим,

что одержаны Армией нашей,

Прибавлялась и эта —

одна из негромких побед.

ТАК ПОЛУЧИЛОСЬ, что рассказать о последних годах моего довоенного друга я не могу...

Больше всего на свете, кроме, разумеется, фашизма, он ненавидел свое имя — Аполлон. Оно входило в кричащее противоречие с его сутульностью и подслеповатостью. Мечтать о фронте не приходилось.

Аполлон исчез как-то незаметно в середине лета 1941 года. Решили: эвакуировался. Я затаил обиду: друг называется, даже проститься не пришёл!

Оказывается, он первым среди нас взялся за настоящую работу. Я уже упоминал, что заводов рядом с нашим домом не было. Аполлон ушёл на Малую Охту, видимо, на Петрозавод, остался на казарменном.

В какой год блокады и при каких обстоятельствах он погиб — неизвестно. Говорят: «Боец из такой-то гвардейской части». Этим сказано всё. Пусть простится мне высокое сравнение, я знаю, как боролся и погиб мой друг — он с нашего двора.

* * *

*Мой старый двор, черты твои живые
Под слоем новых красок мне видны,
Да разве скрыть им раны боевые!..
Живёт в тебе передний край войны.
Мой старый двор! Ты вырос вместе с нами,
Стал выше на два целых этажа.
Сараев нет — в буржуйках. И дровами,
Как до войны, теперь он не зажат.
А сердце ищет новую причину.
Наш взвод из детства рано ушел.
И мы уже смотрели, как мужчины,
Чтоб видеть мир таким, каким он был.
Мой старый двор! Вновь пухом тополиным
Мой школьный сад приветствует тебя.
Мой путь к тебе коротким был и длинным.
Но нет пути для многих из ребят.
Почти что взвод...*

*Мы взводом быть хотели.
И были им. И шли на смертный бой.
Наш взвод понёс огромные потери,
Так и бывает на передовой.
В наш двор войдём. Он памятью разбужен.
И растревожен новой весной.
Ты, может, спросишь:*

*— Чем другие хуже?
— Ничем, — отвечу. —
Просто этот — мой.*

ВЛАДИМИР АРРО

КОГО ТАМ ТОЛЬКО НЕ БЫЛО!

В это время в прихожей позвонили. Мама пошла открывать.

К великой Петинной радости, это был шестой врач республики — Андерс. И тоже в белом халате! А уж Андерс в белом халате был и вовсе красавчик. Рукава ему были только по локоть, полы — по колено, да и весь-то халат, по правде, трещал по швам.

«Ах, — подумал Петя, — не выучиться ли мне на врача? Тоже халат надену».

— Сдал? — спросил Мишель.

— Сдал! — воскликнул Андерс и прищёлкнул пальцами.

— Что сдал? — спросил Петя.

— Ах, Петя, — сказала мама, — да у них же зачёты!

«У них же зачёты, — подумал Петя. — У них Республика. А тут ещё я».

После радостных, почти бурных приветствий, Андерс потрогал Петин лоб и посмотрел график. На этом графике красными, синими и другими разноцветными линиями были запечатлены температура, частота пульса и прочие Петины показатели. Друзья посмотрели градусник, который недавно вынул Петя, о чём-то тихонько посоветовались на французском языке и нанесли на график новый красный штрих. Потом Андерс надел на голову обруч с зеркалом, сел на постель и сказал:

— Ну, Петя, скажите: а-а.

— А-а-а... — сказал Петя.

— Ещё.

Они опять о чём-то посоветовались.

— Петя, — торжественно сказал Андерс. — Теперь дело пойдёт на поправку. Кризис миновал. Но вам нужно лежать, вы уж потерпите.

Окончание. Начало в «Искорке» № 1 за 1972 г.

— Я потерплю, — пообещал Петя. — Мне не трудно.

Все трое заулыбались, очень довольные друг другом, может быть, в этот момент они вспомнили, как дружно танцевали бабамуку в первую свою встречу в общежитии, и надеялись вскоре ещё точно так же потанцевать.

Когда мама вышла на кухню, Андерс вдруг сделался серьёзным и сказал:

— Петя, а на лестнице сидит человек.

— Какой человек? — спросил Петя.

— Тот же самый человек? — спросил Мишель.

— Да, тот же самый. Петя, он уже третий день там сидит. То уйдёт, то снова приходит.

— Как третий день?.. А почему же он не зайдёт?

— Он не хочет, Петя. Он говорит: и здесь хорошо. Мы ему докладываем бюллетень.

— Какой такой бюллетень?

— О состоянии вашего здоровья.

— Ну вот ещё! — фыркнул Петя. — Что я, премьер-министр, что ли? Кто же это там такой?

— У него, Петя, на голове шапка-ушанка, а из-под неё торчит такой белый хохолок.

— Не хохолок, а чуб! Чуб, понимаете? Зовите его сюда, это же наш Василий!

— Тише, Петя, — сказал Мишель. — Ложитесь. Вам вредно волноваться. Сейчас позовём.

Андерс вышел, чтобы позвать Василия, но через минуту вернулся один.

— Он всё равно не идёт.

Петя попросил бумагу и карандаш и стал писать Василию записку.

«Василий, что же ты сидишь там? — писал Петя. — Мы тут все тебя ждём. Ты обязательно должен зайти...»

Но тут зазвонил телефон.

— Алло! — сказал Мишель. — Вам кого? Да, уже полегчало. Одну минуту. Петя, это вас.

«Подожди, — написал Петя, — кто-то звонит».

Он взял трубку и услышал голос Акима Макарыча.

— Здравствуй, Петя, как ты себя чувствуешь?

— Хорошо, Аким Макарыч, я уже почти выздоровел!

— Это заблуждение, Петя, — вставил Мишель.

— Это заблуждение, Аким Макарыч!.. Слабый я ещё, голова кружится.

— А врач приходит к тебе?

— Ой, да что вы, Аким Макарыч, у меня здесь целый консилиум! Мишель, Андерс! Вот они вам передают привет. Знаете, как они меня здорово лечат! Графики составляют, вон какой красивый график висит.

— И ты им передай привет! Петя, только ты, пожалуйста, не волнуйся, что отстанешь. Мы тебе поможем, я тебе всю алгебру объясню.

— Спасибо, Аким Макарыч!

— И географию объясню.

— Спасибо, Аким Макарыч, спасибо!

— И историю объясню!

Но тут раздался такой громкий крик, что Петя даже уди-

вился. Кричали, наверно. голосов двадцать:

— Пе-е-тя-я!..

Петя понял, что это кричат за окнами, во дворе.

— Подождите, Аким Макарыч, я сейчас посмотрю, кто это там кричит.

— Петя, вам нельзя вставать, — сказал Мишель. — Я сам посмотрю.

Мишель подошёл к окну и заглянул вниз.

— Там стоят дети.

— Какие дети? Такие, как я?

— Ну, Петя, вы уже не ребёнок. Маленькие дети.

— Это мышки, мышки! — взвизгнул Петя. — Аким Макарыч, это мышки кричат!

— О каких мышках идёт речь, Петя, я не очень понял.

— Это мои октябрюта из второго «а», ну, помните, — Бесценный? Он ещё на крышу залез. Подождите, Аким Макарыч, я сейчас Мишеля спрошу, может быть, можно им хотя бы рукой махнуть, очень хочется!

— Только один раз, Петя, — улыбаясь, сказал Мишель.

Он подвёл его к окну и слегка приподнял.

— Вон, видишь?

— Мышки! — закричал Петя. — Привет! Эй, Бесценный!..

Мышки, конечно, ничего не услышали, но, увидев Петю, закричали так истошно и радостно, что многие жильцы отдернули занавески, чтобы

поглядеть, кто же это там так сильно кричит.

Но в это время в дверь позвонили.

— Это Василий, Василий! — закричал Петя. — Откройте ему!

Но это оказался вовсе не Василий, а Савва и Лёша Копейкин.

— Подождите, мышки! — крикнул Петя и схватил телефонную трубку. — Аким Макарыч! Это Савва и Лёша Копейкин! Савва, Лёша, это Аким Макарыч, там ещё Василий сидит! Савва, Лёша, там сидит Василий?

— А мышки? — спросил Аким Макарыч.

— И мышки тоже здесь!

— Петя, я ничего не понимаю, кто же там у тебя?

— Все сразу! Вот именно, что все сразу! Ах, Аким Макарыч, как это здорово!..

«Что же это, — подумал он, — в самом деле: и Мишель, и Андерс, и Савва с Лёшей Копейкиным, и Василий, и Аким Макарыч, и мышки... И мама, само собой разумеется. А скоро ещё папа вернётся с работы. А где-то там ещё и Алиса...»

Петя как бы впервые осознал, сколько вокруг него друзей.

«Ну да, не заботы это всё, — думал он, — никакие это не заботы, а просто друзья, самые верные люди!»

— Вот что, — строго сказал Мишель, — со всем этим нужно кончать. Так у вас, Петя, может произойти ухудшение. Вы закончили говорить?

— До свиданья, Аким Макарыч, мне больше не разрешают.

— И правильно делают, Петя, до свиданья! Я завтра позвоню.

— А теперь мы сделаем так, — сказал Мишель. — Савва с Лёшей пойдут по домам. Вашего Василия отправим в аптеку за горчичниками, Андерс пойдёт познакомится с этими... кошками!

— Мышками! — сказал Петя.

— Ну да, с мышками. Тем более, что мы им обещали. А что мне прикажете, мэм? — спросил он Петину маму.

— Вам прикажу готовиться к зачёту. Андерс сдал, а вы ещё нет.

— Будет исполнено, мэм.

ТРУДНЫЙ ВИЗИТ

Целую неделю ещё лежал Петя с остаточными явлениями ужасной болезни, которая называется воспалением лёгких. И каждый день Петина мама и бдительные доктора — Мишель и Андерс — отбивали атаки назойливых посетителей. То есть они не то чтобы всех выгоняли, нет, но они устанавливали разумную очередность и длительность их посещений.

Одного посетителя не только не надо было выгонять, но пришлось даже долго упрашивать, чтобы он вошёл к Пете. Сделать это удалось только Петинной маме. Как уже сообщалось, это был Василий.

Наконец он согласился и вошёл.

Он вошёл, держа руки в карманах и устремив глаза к потолку. Прежде чем обратить внимание на Петю, который даже слегка подался вперёд, чтобы ускорить эту долгожданную встречу, он, как-то пошатываясь, переступая с ноги на ногу, слонялся по комнате и даже поворачивался к Пете спиной.

— Здравствуй, Василий! — тихо, но страстно воскликнул Петя.

Василий ответил не сразу.

— Привет.

— Ты что там рассматриваешь?

— Да так!

— Ты почему так долго не приходил, а сидел на лестнице?

Василий покачался с носка на пятки и причмокнул:

— Проводочку бы надо сменить...

— Да сменим проводку! — сказал Петя с оттенком нетерпения. — Разве в этом дело? Василий, ты что, сердисься на меня, да? Глупо это у меня вышло, я согласен.

Василий помолчал. И вдруг, как будто впервые обнаружив, что в комнате, кроме него, ещё и Петя, круто повернулся на каблуках и спросил:

— Да, так как дела?

— Вот, лежу... Воспаление лёгких. Говорят, осложнения бывают. Да ты ведь знаешь, Василий, тебе говорили — какой-то там бюллетень. Что я, премьер-министр, что ли...

Нет, не оттаивали глаза у Василия. Он смотрел на Петю, но казалось, что это не друг

смотрит, а посторонний и что нет у него никакой охоты с большим разговаривать, а просто у него в этой квартире какие-то служебные дела.

— Да-а, — сказал Петя, — с мышками-то какая неувязка тогда получилась. Но я ничего не мог поделывать — мне нужно было на митинг солидарности... Да ты садись, Василий, можешь вот сюда, на постель.

— Ну-ну... А температура как? — спросил Василий, давая этим понять, что не желает поддерживать разговор. — Ничего, эти эскулапы, в наших градусах разбираются?

— Да что ты, Василий, они же у нас учатся!

— Ну да, я понимаю... А то бывает, в одних странах по Цельсию, в других — по Реомюру... А то ещё по Фаренгейту.

И Василий, вертя в руках градусник, опять надолго умолк.

Нет, всё было как-то не так! Как будто подменили человека!

Где-то в глубине души Петя понимал, что происходит с Василием. Он, пожалуй, Петю к неграм ревновал! Иначе зачем бы он стал про градусы спрашивать?.. Но как всё это распутать, разогреть человека?

И Петя решил пуститься на хитрость. Он затаил дыхание и закрыл глаза.

— А то ещё градусники ставят не под мышку, а под язык, — пробурчал Василий.

Петя хотел крикнуть: «Под мышку! Под мышку!» — но не ответил.

— Лекарства какие-то странные.

Ничего там не было странного. Это был простой аспирин.

Василий вздохнул и повернулся к Пете:

— Настоящих докторов-то хоть звали?

Он помолчал, прислушиваясь.

— Я спрашиваю, звали настоящих-то докторов? Ну, профессора какого-нибудь? Или академика? Или уха-горлана? Да ты что не отвечаешь? Да ты, что ли, спишь? Петя!

Петя чувствовал, как нарастало беспокойство Василия.

— Да тебе, может, худо? Вот ты мать честная! А где же они? Эй, есть кто в доме?

Петя знал, что, кроме них с Василием, в квартире никого не было, потому что Андерс, который дежурил сегодня, ненадолго ушёл, а мама зачем-то пошла к соседям.

Василий забегал по комнатам, по прихожей, по кухне.

— Вот когда надо, так никого и нету, чтоб они треснули! Ах, что же делать!.. Спокойно, Вася. Спокойно. Спокойно.

Он прекратил беготню и налил из графина воды.

В следующий миг Петя вздрогнул от прикосновения к своему лбу чего-то холодного. Он вздрогнул и открыл глаза.

— Ну вот... — вздохнул Василий. — А то ты как бы в беспамятство впадаешь. Слабоват ты ещё, Петя. Ну как, отпустило?

— Да, — сказал Петя. — Хорошо.

— Видишь, я тоже кое-что в медицине понимаю. Попей водички, а то как бы тебя опять не схватило.

Петя отпил.

Теперь перед ним был прежний — добрый и откровенный Василий.

Он воскликнул:

— Ну зачем тебя на эту льдину-то понесли, скажи на милость? Разве так что-нибудь докажешь?

Нет, не докажешь — Петя и сам это знал.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Ах, как его сильно тискали, мяли и дёргали! И не только одноклассники, а вся школа, оказывается, заметила его отсутствие. На переменах только и слышно было:

— А вот и Петя пришёл!

Он и не подозревал, что пользуется такой известностью.

— Петя, — просили некоторые, — расскажи, как ты дрейфовал!

Петя смущённо улыбался и отвечал:

— Ошибка молодости...

В первый же день к нему прикрепили отличников из старших классов. Отличники долго спорили и чуть даже не разругались между собой и наконец составили расписание — по какому предмету и когда будут ему помогать.

А уж учиться ему как хотелось! Так всегда бывает после каникул и болезни. На уроках Петя старательно слушал и ещё более старательно писал. И хотя внешне он мало чем

изменился, всё же появилась у него какая-то непонятная привычка: смотреть в окно и надолго задумываться, особенно когда за окном медленно падал снег.

Савва даже слегка подталкивал его в бок:

— Петя, ты чего, Петя?..

— Да-да, — шептал Петя. — Конечно... Сейчас.

О чём он думал в эти минуты? Может быть, при этом он успевал краешком глаза видеть правый локоть, правую щеку, правое ухо — одним словом, всё Алисино правое? Трудно сказать. Но во всяком случае для него было загадкой — почему во время его болезни она ни разу к нему не зашла. Эта загадка его очень мучила.

Алиса встретила его без особого восторга, но и без иронии. Просто она улыбнулась ему и сказала:

— Ну, наконец-то выздоровел.

И всё.

К этой фразе Петя мысленно подставлял разные окончания:

«Ну, наконец-то выздоровел. Целую вечность не виделась».

«Ну, наконец-то выздоровел, как я рада».

«Ну, наконец-то выздоровел. Дурак ты, дурак!»

Но как ни старался Петя, истинного отношения Алисы к нему он так и не понял.

В ОЖИДАНИИ ЛИФТА

Однажды они возвращались из школы вдвоём с Лёшей Копейкиным. Шли проходными

дворами. Они сами не знали, зачем им понадобились проходные дворы — ведь они никуда не спешили. Падал мокрый снег. Он опускался на асфальт и булыжники крупными хлопьями и тут же превращался в серую слякоть. Только деревья, скамейки и газоны были белыми.

То ли таинственная тишина дворов, то ли плавное кружение снега привело Петю в задумчивое состояние. Он сказал:

— Лёша, вот что я хотел спросить у тебя... Ты когда-нибудь дружил с девочками?

Лёша Копейкин воскликнул:

— Ну что за вопрос! Конечно, дружил. Я и сейчас с ними дружу, разве это плохо?

— Да нет, Лёша, ты не понял, не со всеми сразу, а только с одной.

— С одной? Конечно, нет. Не знаю. Но, конечно, когда-нибудь буду дружить. Да я и женюсь когда-нибудь, вот увидишь.

— Знаешь что, — сказал Петя, — пойдём проверим противопожарную безопасность в одной квартире.

— Зачем? Тебе поручил Василий? — удивился Лёша Копейкин. — Петя молчал. — Но я всё равно согласен, пойдём.

Они вышли на проспект, а потом на набережную, как раз у того злополучного места, где Петя дрейфовал.

Чем ближе они подходили к высокому новому дому, тем сильнее сомневался Петя, надо ли им туда идти.

— Э, да здесь Алиса жи-

вёт! — сказал Лёша Копейкин, когда они остановились у парадной.

— Да, это Алиса.

— Ты хочешь проверить противопожарную безопасность в её квартире?

— Ну да, а почему бы нет?

Лёша Копейкин пожал плечами.

— Пойдём проверим.

— Постой! — сказал Петя. — Лучше не надо. Я тебе признаюсь, Лёша, тут всё запутано. Дело совсем не в этом.

Просто я хочу дружить с Алисой, а она не хочет. И от этого у меня очень сложное душевное состояние.

— С чего ты взял, что она не хочет! — воскликнул Лёша Копейкин. — Ещё как хочет! Она каждый день у меня спрашивала: ну, что он там, какая температура, что у него болит?

— А почему же не приходила?

— А потому, что за косы знаешь как дёргали!

— Кто дёргал?

— Кто, Савва! Я даже с ним чуть из-за этого не рассорился. Поймает её где-нибудь в коридоре, схватит за косу: «У-у, ведьма, это он из-за тебя на льдину бросился, говори, будешь с ним дружить!»

Теперь-то Пете всё стало ясно.

— Ах, Савва, — воскликнул он, — ну злодей!..

— Хочешь, я её сейчас позову? — спросил Лёша Копейкин. — Ты ей скажешь, что хочешь с нею дружить.

— Позови, Лёша! Скажи — ненадолго.

Петя стоял внизу и ждал, пока погаснет красный глазок лифта. Это значит, Лёша Копейкин достиг девятого этажа. Он был с ним сейчас наверху, перед Алисиной дверью.

«Алиса, один человек хочет тебя видеть». — «Если это Савва, то скажи ему, что его грубостями я сыта по горло». — «Нет, это не Савва, это другой человек». — «А почему он сам не идёт?» — «Он стоит внизу, потому что у него очень сложное душевное состояние». — «Ну, что же, тогда я иду». Алиса на минуту возвращается в квартиру, накидывает пальто и свой белый пуховый платок. Открывается дверь.

В этот момент и впрямь наверху щёлкнуло, снова зажёгся глазок, и лифт загудел.

«Едут... — думал Петя, обмирая от страха. — Ну, сейчас всё решится». Он поправил галстук, проверил, все ли пуговицы у него застёгнуты, и постарался принять позу как

можно более непринуждённую, прислонившись для этого к стене. «Добрый день, Алиса... — готовился он сказать в следующую минуту. — Извини, что мы тебя потревожили...»

Лифт остановился. Но из него вышел только один Лёша Копейкин. На лице его можно было заметить растерянность.

— А где же Алиса? — спросил Петя.

— Она там... Она плачет. Она сидит на ступеньках и говорит, что будет так сидеть до вечера. Понимаешь, она потеряла ключ от квартиры...

— Ключ... — сказал Петя задумчиво. — Постой, значит, ключ...

В следующую минуту он уже бежал по улице, а Лёша Копейкин — за ним.

ЯВЛЕНИЕ ПЕТИ

Вероятно, многие помнят, какое сильное оживление случилось в тот день на набережной возле магазина. Люди занимались своими будничными делами: сновали по ту и по эту сторону огромных витрин, гуляли с детьми и собаками, несли новогодние ёлки.

А в это время из арки, которой заканчивается предпоследняя улица перед тем, как выходит на набережную, выглянула красная морда какой-то странной машины. Кабина её была необычайно высокой, и по обе её стороны бесшумно крутились маленькие оранжевые маяки. Они постоянно вспыхивали и угасали, как будто искали кого-то, или

предупреждали об опасности, или звали на помощь. Туловище машины, состоящее из металлических блестящих конструкций, медленно проходило под аркой, и казалось — ему не будет конца.

Наконец всё это невиданное сооружение выползло на набережную и застыло невдалеке от нового девятиэтажного дома. Повинуясь чьей-то воле, вероятно всё-таки разумных существ, сидевших в высокой кабине, конструкция неожиданно зашевелилась.

В это время машина уже обратила на себя всеобщее внимание. Дети, гулявшие с няньками по набережной, бросили всё и помчались вперёд, чтобы разглядеть машину поближе. Точно так же поступил прогуливавшийся неподалёку детский сад. В магазине тоже все изнывали от нетерпения выйти поскорее на улицу, чтобы понять, что происходит. Возле отдела «Рыба» раздался неосторожный вопрос:

— Что горит?

— Что горит?

— Кто сказал — горит?

— Говорят — горит.

Очереди моментально рассыпались: кто прильнул к стёклам, кто выбежал на улицу. Продавцы вышли из-за прилавков. Кассовые аппараты умолкли.

— Кто сказал — горит? — возмущённо спрашивал директор магазина. — Посмотрите, ни огня, ни дыма не видно! Продолжайте торговлю. — Но вернуть покупателей и продав-

цов к прилавкам уже не было никаких сил.

К общему удивлению, из кабины показалась фигурка обыкновенного мальчика. Мальчик вовсе не стал спускаться вниз по ступеням, как это все ожидали, а наоборот, — полез наверх. Он прошёл вдоль всей конструкции, как юнга по палубе, и залез в маленький контейнер, оплётённый металлической сеткой, похожей на те, что болтаются на «колесе обозрения» в Центральном парке культуры и отдыха. Затем он потуже завязал свой пионерский галстук, застегнул пальто на все пуговицы и звонко крикнул:

— Василий, давай!

Зажужжал двигатель, заехали шестерёнки, и контейнер, покачиваясь на конце ажурной стрелы подъёмника, медленно поплыл вверх. Все, кто стоял внизу, закинули головы, а дети закричали «ура» и захлопали.

Поднимаясь всё выше, Петя увидел и реку, забитую льдом, и крыши домов, и верхушки деревьев. И ему показалось, что это тот миг в его жизни, которого он всегда ждал.

«Лечу! — думал он, весь переполненный восторгом, которого ещё никогда не испытывал. — Лечу-у!..» Он даже руки раскинул наподобие крыльев, но, конечно, от этого полёт его не стал ни быстрее, ни медленнее. Неукротимая сила, которую он чувствовал за своей спиной, плавно несла его вверх.

Но полёт был недолгим. Стрела вынесла контейнер к

балкону на самом последнем этаже нового дома.

Петя, не оглядываясь вниз, как у них было условлено с Василием, спрыгнул на балкон, открыл форточку, а затем и всю оконную раму. Да что

там говорить! Методика попадания в комнату не через дверь, а через окно всегда одинакова.

Короче говоря, через две минуты Петя уже был в прихожей и открывал наружную дверь.

Легко себе представить душевное состояние Алисы, сидевшей на ступеньках перед закрытой дверью и решившей так сидеть вплоть до прихода родителей. Нетрудно также понять, как она страдала, слушая мяуканье голодного Матадора. Но можно ли передать её смятение и испуг, когда она услышала, что дверь в квартиру за её спиной открылась!

Алиса вскочила и просто застыла на месте, и онемела. Сквозь слёзы она увидела, будто в дверях стоит Петя и жестом приглашает её войти. Сначала она решила, что это ей просто мерещится, но потом вытерла глаза и увидела, что да, действительно, в дверях стоит Петя! Он улыбается и жестом приглашает её войти!..

— Ты — Петя?.. — спросила она на всякий случай, потому что никак не могла понять, что же всё-таки происходит.

— А ты сомневаешься?

— Сомневаюсь...

— Да нет, это я. Можешь даже потрогать.

Алиса и в самом деле дотронулась до него, и Петя, счастливый, засмеялся.

— Ну, что же ты стоишь, — сказал он. — Входи!

И Алиса вошла.

Но так осторожно, так недоверчиво, как будто это была не её собственная квартира, а рыцарский замок или буддийский храм.

— Будь как дома, — сказал Петя. — А мне пора.

— Ты уже уходишь? —

испугалась Алиса. — Не уходи, Петя!

— Нет, не могу, — сказал Петя. — Меня ждут.

— Ну да... — сказала она.

— До свидания, Алиса, — сказал он, отступая к балкону.

— До свиданья, Петя.

— До свиданья, Алиса. Можешь мне верить?

— А я верю, Петя.

— До свиданья, Алиса, — в последний раз сказал Петя.

— Куда же ты?..

— Туда.

— Туда? Ну да, я понимаю...

Вряд ли Алиса понимала, зачем Петя вышел на балкон. Но она ему верила.

А Петя, счастливый, как космонавт, совершивший прогулку по лунной поверхности, вернулся в контейнер, в последний раз посмотрел на Алису и нажал кнопку с надписью «спуск».

В ЛЕВОМ НИЖНЕМ УГЛУ

Был день, когда мама вышла к завтраку сильно расстроенная. Папа хмуро помещивал сахар в чашке и старался уклониться от Петиного тревожного взгляда.

— Что случилось, граждане? — спросил Петя недоумевая.

Мама ответила:

— Да нет, ничего...

— Нет, всё-таки что-то случилось. Да, папа? Если не хотите говорить, то не говорите, но хотя бы намёк сделайте.

Папа сказал:

— Я думаю, нельзя от него скрывать.

Мама пожала плечами:

— Делай как знаешь...

Тогда папа молча встал из-за стола, прошёл в свой кабинет и вернулся с газетой.

— Мы с тобой мужчины, Петя, — сказал он, — и нам ни при каких обстоятельствах нельзя унывать.

В газете на первой полосе сообщалось, что войска капитана Бимбы и парашютисты Жана Леруа вчера на рассвете вступили в столицу республики. Президент убит, народное собрание распущено, производятся массовые аресты. Кроме этого сообщения в газете была статья под заголовком «Трагедия маленького народа».

— Что же это?.. — растерянно спросил Петя. — Как же это? Ведь были же митинги, были протесты...

— Значит, этого оказалось мало, — сказал папа.

— Что же нам теперь делать?

— Петя, ты не всё дочитал.

— А что, есть ещё что-нибудь?

— Вон там, в левом нижнем углу. Набрано мелким шрифтом.

— «По сообщениям агентства Франс-Пресс, — прочитал вслух Петя, — Временный военный комитет потребовал возвращения на родину всех работников дипломатических миссий и представительств, аккредитованных в социалистических странах. Кроме того, отзываются все студенты, обучающиеся в Советском Союзе...»

Петя посмотрел на родителей.

— Значит, Мишель и Андерс... Папа, это значит, что Мишель и Андерс должны поехать туда?

— Да, Петя.

— Но они же их арестуют?

— В том-то и дело! — воскликнула мама. — Они вызывают их для расправы.

— Папа! Мама! — вскричал Петя. — Да это же очень просто! Зачем им туда ехать? Ни в коем случае им нельзя туда ехать! Пускай останутся у нас, в Советском Союзе! Что им здесь, плохо? Или работы не хватит?

— Я тоже так думаю, — сказала мама.

— Петя, у тебя всё остывает, — сказал папа. — Пей чай.

ПРЕКРАСНЫЕ ПЛАНЫ

Все следующие дни Петя и его класс только и занимались тем, что обсуждали, как Мишель и Андерс останутся навсегда в Советском Союзе. Они кричали, перебивая друг друга:

— Ну и чёрт с ним, с капитаном Бимбой! Он ещё свернёт себе шею! А врачи? Да врачи где только не нужны!

— В санаториях нужны врачи!

— Да что в санаториях, а в экспедициях?

— Да что в экспедициях, а на кораблях?

— Да что на кораблях, а на Северном полюсе?

— Да что там на Северном полюсе, — сказал Петя, —

врачей теперь даже в космос посылают!

В общем, все сходились на том, что Мишеля и Андерса у нас ждёт блестящее будущее. Да это и неудивительно, ведь страна наша большая, и вон ей сколько нужно врачей! Мишель должен был стать четырёхста сорок одна тысяча двести шестьдесят пятым врачом, ну а Андерс, соответственно, четырёхста сорок одна тысяча двести шестьдесят шестым!

Ну а в их профессиональных успехах после благополучного выздоровления Пети никто и не сомневался. Просто считалось, что лучших врачей и не бывает. Савва даже как-то намекнул на то, что если бы к нему согласились ходить Мишель и Андерс, то и он не прочь заболеть.

Оставалось только решить, где они будут проводить каникулы.

— Пусть идут к нам в пионерский лагерь пионервожатыхми, — сказал Савва.

Но Петя с ним не мог согласиться:

— Пионервожатыми — это работа, а им надо отдыхать.

Тогда вмешался Лёша Копейкин:

— Ребята, а пусть они поедут к моей бабушке в деревню! У неё, знаете, яблоки, вишни в саду — так и висят.

— Да они со скуки помрут с твоей бабушкой! О чём они будут с ней разговаривать?

— Да зачем разговаривать? Рыбу ловить! В лес, за гриба-

ми! И потом, ведь я же там буду!

— Ты-то будешь, а мы?

— Нет, — сказал Петя, — всё не так. Надо, чтобы мы летом были все вместе с ними. Я предлагаю поход!

— Поход, правильно! На Кавказ!

— На Урал!

— На Байкал!

— Да что там на Байкал, на Дальний Восток!

— Вот это идея! Ребята, надо немедленно к Акиму Макарычу!

И всей гурьбой они двинулись в директорский кабинет.

— На Дальний Восток, Аким Макарыч! — закричали они.

— Или на Байкал!

— На Урал можно!

— Ну, в крайнем случае, на Кавказ!

— Пойдите, пойдите, — сказал Аким Макарыч, — что-то я не очень вас понимаю: когда, зачем?

— Да летом! С Мишелем и Андерсом!

— При чём тут Мишель и Андерс?

— Да им же на каникулы-то ехать некуда! У них же капитан Бимба!

— Да и вообще, они останутся в Советском Союзе, Аким Макарыч!

— Как вообще?

— Да и вообще!

— Вы в этом уверены?

— Петя сказал.

Все посмотрели на Петю.

— Конечно, — сказал Петя и пожал плечами. — Возвращаться-то им нельзя!..

Аким Макарыч снял очки и молча походил по кабинету.

— Да, конечно, — сказал он, — возвращаться для того, чтобы подставить грудь под пули этого негодяя, было бы неразумно... Значит, на Кавказ? Или на Урал? Или на Байкал? А что думают по этому поводу Мишель и Андерс?

— Мы сегодня же, Аким Макарыч, — закричали ребята. — Мы сегодня же!.. Мы прямо сейчас!

ПЕРЕГОВОРЫ

Представители класса — Петя, Савва и Лёша Копейкин — прибыли в общежитие для неофициальных переговоров. Дежурная уже знала всех троих предостаточно, поэтому вопросов не задавала, а только велела получше вытереть ноги. Возбуждённые, нетерпеливые, они пронеслись по длинному коридору и постучались в дверь.

— Антрэ! — ответили им. — Войдите!

Петя ступил на порог и оторопел.

За столом вместе с Мишелем и Андерсом сидели его родители.

— А вот и они! — весело сказал Андерс.

— Гарсон, ещё три стакана чаю! — подхватил Мишель.

Стол был немедленно придвинут к кровати, Мишель сходил к соседям за стаканами, Андерс заварил свежий чай.

Обстановка была весёлой и непринуждённой. Но Петя уже на пороге понял, что что-то случилось. В комнате был

идеальный порядок — постели убраны, тумбочки застелены салфетками. Но на тумбочках ничего не было. Да и нигде ничего не было! Такая уютная всегда комната оказалась вдруг нежилой. И тогда Петя увидел у дверей, под вешалкой, два чемодана. Он вопросительно посмотрел на папу, а папа, поняв его вопрос, опустил глаза.

Мишель рассказывал для всех что-то весёлое, про какого-то доктора в их институтской клинике, но Петя никак не мог добраться до сути. Мысли его были совсем о другом.

«Зачем они едут? — думал он. — Ведь их схватят прямо у трапа самолёта».

И он вдруг впервые подумал о том, что, может быть, завтра — может быть, уже завтра к вечеру! — их не станет. Не будет Мишеля и Андерса! Пятого и шестого врачей республики! Не будет совсем!

Мысль эта была такой страшной и нестерпимой, а Мишель с Андерсом так веселились, что Петя отошёл к окну и заплакал. Он плакал тихо, стараясь сдерживать рыдания, но от этого плечи его тряслись ещё сильнее, и то, что он плачет, было видно всем.

Смех и разговор в комнате сразу же утихли. Только дзенькала в чьём-то стакане ложечка.

— Мы пойдём, пожалуй, — сказал наконец папа. — Петя, пошли.

Сзади к нему подошёл Ми-

шель и дотронулся до его плеча:

— Не унывайте, Петя. Мы ещё увидимся. Самолёт завтра утром в семь.

Не оглядываясь на Мишеля и Андерса, а также на членов своей делегации, Петя надел пальто и вышел.

На улице он пошёл на несколько шагов впереди своих родителей. Ему казалось, что в том, как всё обернулось, есть и их вина.

Но родители его догнали. Они ни о чём не спрашивали. Тогда спросил он:

— Зачем они едут? Неужели вы не могли их отговорить?

— Отговорить?.. — переспросил папа. — Мы и не пробовали. Пожалуй, Петя, им иначе нельзя. Они едут на свою родину. Поверь, о смерти они меньше всего думают, и нам не надо думать о ней. Они едут не умирать, а сражаться. Народ не так просто сломить.

МОРОЗНОЕ УТРО

На дальнем конце взлётного поля ревели турбины. Каждые пять минут где-то там, на краю аэродрома, взлетал самолёт.

Было морозно, и вдобавок по чёрному асфальту гуляла позёмка. От пронзительного света прожекторов, стоявших на здании аэропорта, казалось, было ещё холодней.

Петина мама подошла к Мишелю и отогнула наушники на его шапке. То же она хотела сделать и с Андерсом, но не успела.

— Спасибо, — сказал он. — Я сам.

— Теперь уже недолго носить эту прелестную шапку, — сказал Мишель, пристукивая ногами. — У нас в Африке сейчас тепло.

— У нас в Африке сейчас, возможно, сорок градусов, — сказал Андерс. — Пожалуй, мы эти пальто и шапки оставим в Европе.

— А вы сначала в Европу? — спросил Лёша Копейкин.

— Да, мы с пересадкой в Париже.

— А дальше?

— А дальше? Нам придётся пробираться на родину через другие страны. Но сегодня, извините, уже нужна конспирация.

Андерс грустно улыбнулся.

— Да-да, я понимаю, — закивал Лёша Копейкин, — это секрет.

Петя воскликнул:

— А вон и Аким Макарыч идёт!

Действительно, к ним приближался сильно озабоченный Аким Макарыч.

— Друзья, — сказал он, даже позабыв поздороваться, — я одобряю ваше решение!.. Вы истинные патриоты! То, что задумали эти преступники, нельзя допустить! Где ваш самолёт?

— Вот наша «Каравелла», — сказал Мишель. — Она заправляется.

Невдалеке, облепленный со всех сторон машинами, стоял серебряный лайнер.

— В таком случае, — сказал Аким Макарыч, — я побегу в буфет купить вам бутербродов в дорогу!

Мишель и Андерс засмеялись.

— Не надо, пожалейте нас, ради бога, не надо!

Петин папа сказал:

— Наша мама всю ночь пекла пирожки.

Петя стоял рядом с Мишелем и всё ещё на что-то надеялся. Разговоры о погоде и о пирожках казались ему пустой тратой времени, которое вдруг стало так дорого. Ему казалось, что за эти оставшиеся минуты ещё можно что-то успеть. Но что? Может быть, кто-нибудь принесёт хорошие вести?.. И он как за последнюю надежду цеплялся за появление каждого нового человека. Он воскликнул:

— А вон Алиса идёт!

Алиса тихонько подошла, поздоровалась еле слышным голосом и встала в сторонке. Было ясно, что от неё ничего не зависело.

«Где же Василий? — думал Петя. — Вот он-то, наверное, что-нибудь придумает!»

Подходили студенты — однокурсники Мишеля и Андерса, соседи по общежитию. Пришёл профессор, с которым Петя познакомился в институте. Вокруг негров становилось всё оживлённее. И вот уже шутки посыпались, юмористические советы. Двое студентов, стараясь согреться, стали играть в «петушинный бой».

Мишель, обхватив Петю за

плечи, наклонился к нему и сказал:

— Петя, мы ведь достаточно друг друга знаем. Давайте будем на «ты».

— Давайте, — сказал Петя. — Я с удовольствием! Только я не сразу привыкну...

Но тут он понял, что привыкать — совсем не осталось времени. Он потупился.

— Петя, — сказал Мишель, — ты, пожалуйста, не унывай...

— Мишель, — сказал Петя, — ты знаешь что... ты возвращайся...

Он понял, как это безнадежно звучало, но что он мог ещё сказать или попросить?

Посадку объявили сначала по-русски: «Граждане пассажиры...», а затем по-французски: «Мадам, месье...» Петю оттеснили от Мишеля и Андерса, потому что всем хотелось их обнять на прощание. Шапки на них сбились, шарфы висели поверх пальто, поэтому когда пришла мамина очередь прощаться, то она, прежде всего всё на них поправила.

— Мишель, — сказала она. — Андерс! Что бы с вами ни случилось, как бы ни было трудно, знайте, что мы сердцем с вами.

— Жаль, что только сердцем, — сказал папа.

Петя подумал: «Что он имеет в виду?»

Андерс двумя ручищами обхватил Петину руку.

— Петя, — сказал он, — если мне суждено было в жизни вылечить только одного человека, то я счастлив, что вы-

лечил именно тебя. Не простужайся больше, Петя.

— Хорошо, не буду, — ответил Петя, не слишком хорошо понимая, что говорит ему Андерс и что говорит сам. Слезы уже застилали ему глаза, потому что было совсем-совсем ясно, что происходящие события неотвратимы.

«Где же Василий?» — подумал он, уже не надеясь на чудо.

Вот они уже берут чемоданы. Вот машут руками. Вот пошли...

Петя, расталкивая кого-то, бросился к барьеру. «Возвращайтесь! — мысленно твердил он. — Слышите, возвращайтесь!»

Турбины на какое-то время умолкли, стало очень тихо. И в этой преувеличенной тишине над аэродромом, в его холодном воздухе, вдруг защёлкал, затрещал соловей. Да-да, это был соловей — все слышали, потому что все изумлённо переглянулись. И даже пассажиры, шедшие к «Каравелле», приостановились и оглянулись назад. Соловей пел где-то неподалёку, как всегда, невидимый и увлечённый.

— Ах, русский соловей! — воскликнул Мишель.

— Откуда сейчас соловьи? — спросил Аким Макарыч.

«Василий! — понял Петя. — Ну да, это Василий... И он ничего не может сделать. Ну, хоть соловьём...»

ПУСКАЙ ПОДРАСТУТ

— Улетели?

— Улетели.

— Петя, они к себе в Африку улетели? Ты чего молчишь-то, Петя? Чего это он молчит?

— В Африку, мышки, в Африку.

— В Африке хорошо, там ананасы, там бананы растут!

— В Африке жарко!

— В Африке и зимы нету, и снегу нету. Там и забот никаких нет, живи себе!

«Эх, мышки, мышки, — думал Петя, — как же там нет забот? У человека всегда есть друзья. Есть у него работа, есть родина. А значит, есть и заботы. Три великие заботы... Откуда это? Ах да, ведь Алиса песню пела да сорвалась...»

И тут Петя понял, что это именно те слова, которыми он так долго мучился.

«Сказать или не сказать им?» — размышлял он, глядя на мышек.

Хорошие были мышки, но маленькие. Неразумные. Беспечные.

«Не скажу пока, — решил он. — Пускай подрастут».

Лев КУКЛИН

Мой жеребёнок

Дед Ахмед мне говорит:
— Подрастай скорей, джигит!
Ну, а раз ты не ребёнок —
Я дарю тебе коня! —
Значит — личный жеребёнок
Появился у меня!
Раз по десять в день с тех пор
Я бегу на конный двор.
Очень трудно с воспитаньем:
Ведь — не кошка, не щенок.
Здесь меня встречает ржаньем
Жеребёнок-стригунок.
Я совал бутылку с соской,
Не жалея молока,
Хвост расчёсывал расчёской,
Начищал ему бока.
Он не любит грязь и пыль,
Он красивый,

мой Иргиль!

Я осматривал копыта:
Не о камень ли оббиты?
Я таскал ему свой сахар,
Он косился на меня.
Старый конюх только ахал:
— Ты избалуешь коня! —
Года два должно пройти,
Конь мой должен подрасти.
Что там ваш автомобиль?
Мне дороже мой Иргиль!
Вот надену я папаху,
Крепко повод прихвачу, —
По дорогам Карабаха
Поскачу,

куда хочу!

ОПЕРАЦИЯ «ФЛАМИНГО»

Нынешняя зима была очень суровой для южных районов нашей страны и принесла много бед представителям птичьего царства. На восточное побережье Каспия, на тёплые берега Челекенского и Красноводского заливов, ежегодно на зимовку слетаются сотни тысяч птиц — лебедей, фламинго, гусей, уток. Четвёртая часть всей водоплавающей птицы, зимующей на юге страны, находит пристанище на восточном побережье Каспийского моря.

Нынче залив замёрз, и птицы стали погибать от холода и бескормицы. На помощь пришли люди. Исполком Красноводского горсовета обязал городские организации принять все меры для спасения гибнущей птицы. Над заливами появились вертолёты. Лётчики разыскивают места скопления птиц и сбрасывают

сотни килограммов ячменя и хлебных отходов. Птиц подкармливают также с судов и автомашин.

Забываясь о сохранении незащищённой, ослабшей птицы, горсовет организовал круглосуточное дежурство на побережье залива. Все жители города включились в борьбу за спасение пернатых друзей.

ОРГАН ИЗ... ДРЕВНЕГО РИМА

Единственный в мире орган, дошедший до нас со времён Древнего Рима, зазвучал недавно в Будапеште (Венгрия). Как установлено, случайно найденный при раскопках инструмент в 228 году нашей эры был преподнесён местным патрицием Гаем Юлием Виторяном в дар... пожарникам города.

ДОМА ИЗ... ПЕСКА

Учёные Туркмении разработали метод получения блоков газобетона из барханного песка. Новый метод не требует дорогого автоклавного оборудования и, главное, позволяет обходиться при строительстве без кирпича, что значительно удешевляет работы.

Уже получены первые панели и перекрытия из песка, которые и пойдут на сооружение целинных посёлков вдоль Каракумского канала.

МОСТ МЕЖДУ... СТРАНАМИ

Две латиноамериканские страны — Уругвай и Аргентина договорились о строительстве моста, который в недалёком будущем свяжет их между собой. Строительство обойдётся в 13,5 миллиона долларов. Длина моста 5,4 километра. Он протянется над рекой Уругвай из Фрай Бентос (Уругвай) в Пуэрто-Унсуэ (Аргентина).

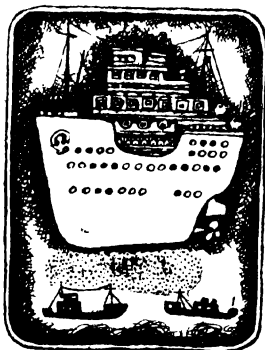
Центральную часть моста планируется построить к 1974 году. Учитывая, что река судоходна, пролёт моста будет шириной 220 метров.

...древнейшие Уральские горы растут? В некоторых местах скорость поднятия Урала достигает 5—6 миллиметров в год. Это установили учёные сейсмической станции «Свердловск», оборудованной сверхчувствительными приборами.

...французские конструкторы рассчитывают создать в ближайшие десять лет гигантское трансатлантическое судно на воздушной подушке? Такой корабль, одетый в эластичную «юбку», парит над поверхностью воды на высоте около двух метров, что позволяет ему развивать высокую скорость и двигаться даже при большой волне. Расстояние от Европы до Америки он будет покрывать за два дня.

★
...нашими учёными разработана сверхпрочная бумага? Известно, что прочность бумаги измеряется в изгибах. Чем больше их выдерживает бумага, тем она долговечнее. До сих пор она выдерживала до 50 изгибов. Новая выдерживает их 20—30 тысяч. Сверхпрочная бумага на 60 процентов состоит из лавсановых волокон. Им она и обязана своей прочностью и выносливостью. Из этой бумаги будут делаться прежде всего географические карты. Веками они будут служить человеку.

...в истекшем году во всём мире насчитывалось 272,7 миллиона телефонных аппаратов? Американцы в шутку называют себя «самой болтливой нацией в мире». В 1970 году на каждого жителя США пришлось по 779 местных и междугородных телефонных вызовов. Канада с 730 телефонными вызовами на одного жителя занимает второе место. На третьем и четвертом местах — Швеция и Исландия.

...самый длинный маршрут в нашем городе имеет трамвай № 23 — 25,1 километра? Конечные станции у него — «Озерки — река Оккервиль». Этот маршрут связывает три района города: Выборгский, Калининский и Невский. Самый короткий маршрут у трамвая № 4. Его протяжённость 9,6 километра. Он идёт от Сосновой Поляны до завода имени Жданова (Кировский район).

...во время земляных работ в городе Азова строители нашли в толще озёрных отложений огромные кости неизвестного

животного? Это был почти целый скелет трогонтериевого слона, обитавшего в начале ледниковой эпохи, то есть приблизительно полмиллиона лет назад, на территории Европы. Находка представляет исключительную научную ценность. После реставрации этот единственный в нашей стране экспонат установлен в Азовском краеведческом музее.

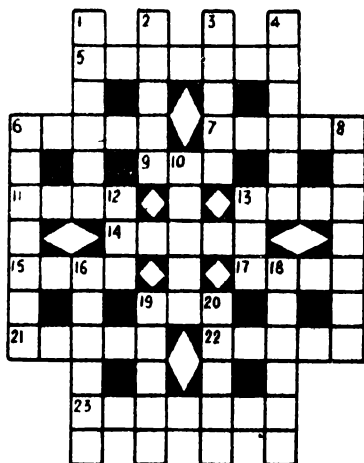
...морская вода ярко светится голубоватым и молочно-белым светом на пространстве в несколько квадратных километров? Это обнаружили наши учёные в Индийском океане с

борта судна «Витязь». Такой вид свечения зафиксирован впервые. Биологи занимаются изучением организмов, вызывающих морское свечение.

...наша страна богата термальными водами с температурой от 60 до 250 градусов Цельсия? Многочисленные месторождения подземных тёплых вод известны на Дальнем Востоке, Кавказе, в Западной Сибири, Средней Азии, Казахстане и европейской части страны. Запасы их оцениваются многими миллионами кубических метров. Это подземное тепло с развитием глубокого бурения может заменить десятки миллионов тонн топлива,

Полиграфический процесс изготовления печатной формы, заключающийся в составлении страниц определенного формата из гранок набранного текста.

По горизонтали. 5. Хлебное растение, из зёрен которого изготавливают крупу. 6. Созвездие южной части неба. 7. Стадо овец. 9. Прибор для измерения глубины моря. 11. Постоянный водоём естественного стока воды. 13. Лента, сложенная в виде нескольких перетянутых посередине петель. 14. Игра, заключающаяся в сбивании шаром деревянных фигур, расставленных в определённом порядке. 15. Нижний парус на второй от носа корабля мачте. 17. Старинный сосуд для питья в форме полушария. 19. Река в Индии. 21. Насыпь, сугроб, образованные бурей, выгою. 22. Русский старинный сорт яблок. 23.

По вертикали. 1. Остаток недогоревшей свечи. 2. Футляр для хранения ручек, перьев, карандашей. 3. Лётчик, управляющий самолётом. 4. Траншея для стока воды. 6. Бытовой нагревательный прибор, в котором горят пары керосина. 8. Перерыв между отделениями концерта. 10. Духовой клавишный музыкальный инструмент. 12. Законченная часть театрального представления. 13. Длинная плеть или кнут. 16. Стальное изделие для добывания огня путём ударов о кремень. 18. Душистый, приятный запах, благоухание. 19. Первая нелегальная марксистская газета, созданная В. И. Лениным. 20. Великий итальянский поэт.

ПЛЕТЁНКА

На рисунке вы видите 12 полосок, переплетённых между собой. На полосках были написаны шестибуквенные слова, но после того, как их переплели, некоторые буквы скрылись.

Постарайтесь разобраться, какие слова были написаны на полосках.

ЦЕПОЧКА СЛОВ

Измените в слове «Весна» одну букву, но так, чтобы получилось новое слово (также пятибуквенное, конечно).

Напишите его пониже.

Затем уже в этом слове замените одну какую-то букву, чтобы получилось новое, третье, слово.

Подчините поиск слов задаче: добраться так, изменяя только по одной букве, до слова «тепло».

Переставлять буквы, а также выкидывать или прибавлять нельзя.

Проверь себя

(Ответы к «Искорке» № 4
за 1972 год)

КРОССВОРД

По горизонтали. 1. Роль. 3. Анис. 8. Масло. 9. Карат. 10. Рур. 11. Корт. 13. Апаш. 16. Поэма. 17. Колос. 18. Скот. 21. Сага. 24. Орт. 26. Батер. 27. Олифа. 28. Вето. 29. Такт.

По вертикали. 1. Рама. 2. Лассо. 4. Нарва. 5. Соты. 6. Сорт. 7. Икра. 11. Кросс. 12. Румба. 14. Проба. 15. Школа. 19. Катет. 20. Торс. 21. Стог. 22. Глина. 23. Шкив. 25. Бант.

МАЛЕНЬКИЕ РЕБУСЫ

Двойник. Настроение.

ПОИСК ЗАКОНОМЕРНОСТИ

Если слова поставить одно за другим в таком порядке: обувь, угодье, закал, мина, парус, туф, эхо, яйцо, чаша, щи, — то согласные буквы их представляют все согласные азбуки, выписанные в алфавитном порядке.

Содержание

С днём рождения. Статья Т. В. Захаровой	1
Веселей гори, костёр. Стихотворение Владимира Орлова	2
Первый Всесоюзный. Воспоминания И. Волкинда	3
Пионерская комната. Учитель. Стихи Василия Фетисова	7
Возвращение Марго. Очерк А. Веляковой	8
Братья. Стихотворение Владимира Панченко	21
О чём я думал на фронте. Очерк Л. Подвойского	22
Ленинградские ребята. Стихотворение Васо Малити	26
Отец. Стихотворение Макса Дахле	27
Все в одном классе. Стихи юных поэтов 347-й школы	28
Взвод моего детства. Очерк Германа Гоппе	30
Бананы и лимоны. Окончание повести Владимира Арро	41
Мой жеребёнок. Стихотворение Льва Куклина	60
Пёстрые заметки	61
Клуб смекалистых ребят	63

На 1-й странице обложки рисунок художника Г. Ясинского «Пионерский держите шаг».

На 2-й странице обложки: «Салют». Фотоэтиюд Н. Карасёва.

На 3-й странице обложки: «Алый галстук — алая заря» — песня Я. Дубравина на слова В. Суслова

На 4-й странице обложки рисунок художницы Г. Моисеевой «Пионерское лето».

Редактор В. Л. БИАНКИ

ОБЩЕСТВЕННАЯ РЕДКОЛЛЕГИЯ: А. Е. Власов,
Н. А. Внуков, И. Л. Дворкин, К. И. Курбатов,
А. М. Млодик, В. Н. Суслов (редактор-составитель)

Адрес редакции: Ленинград (191023), Фонтанка, 59, комн. 444. Телефон: 12-87-55

Сдано в набор 30/III 1972. Подписано к печати 10/V 1972 г. 4 печ. л.
М-18726 Заказ № 656. Формат бумаги 70×108^{1/16}. Цена 10 коп. Тираж 65 000 экз.

Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата,
Ленинград, Фонтанка, 57

Слова В. СУСЛОВА

Музыка Я. ДУБРАВИНА

1.
 Это было в далёких двадцатых,
 Это было в далёком былом —
 Красный галстук впервые
 ребята
 завязали надёжным узлом.

ПРИПЕВ.

Хранит в себе рассветы
 Октября

Алый галстук,
 Алый галстук,
 Алый галстук — алая заря!

2.
 Нам враги этот галстук
 срывали,
 На огне его жгли — не сожгли.
 В этот галстук фашисты
 стреляли,
 Но убить всё равно не могли.

ПРИПЕВ.

3.
 Знают все на планете ребята,
 Далёко за морями вокруг:
 Красный галстук, мечтатель
 крылатый —
 Самый верный товарищ и друг.

ПРИПЕВ.

4.
 Младшим братом победного
 стяга
 Он готов и в поход, и в полёт.
 С красным галстуком дружит
 отвага
 И упрямое слово: «Вперёд!»

ПРИПЕВ.

Торжественно

1-3. Это было в далёких двадцатых,

это было в далёком былом, — красный

галстук впервые ребята завязали надёжным узлом.

Припев

Хранит в себе рассветы Октября алый

1-3. галстук, алый галстук, алый галстук-алая за-

4. Най вра/галстук, алый галстук, алый

галстук, алая заря!

цена 10 коп